

Александр
Сухов

Мир Деревьев

Александр Евгеньевич Сухов

Мир Деревьев

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177743

Аннотация

После кровавого Апокалипсиса, грянувшего на Земле неожиданно, прошло восемь тысячелетий. Люди и разумные растения объединились в борьбе за выживание. Но страшная беда вновь грозит нашей планете и, как водится, для спасения нужен Настоящий Герой...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Сухов

Мир Деревьев

Пролог

Гость прибыл из бесконечных глубин необъятного Космоса. Был ли он осколком некогда распавшейся на куски планеты или крохотной частичкой выгоревшей до основания железной звезды, разорванной впоследствии на куски гравитационными полями других – более юных звезд, мы никогда не узнаем. В общем-то, это и не важно, поскольку за время одного оборота планеты вокруг собственного светила – ничем не примечательного желтого карлика, подобных метеоритов падало на ее поверхность многие и многие миллионы.

Итак, опаленный звездным жаром и закаленный холодом космического вакуума кусок железа весом в сотню килограммов, подчиняясь хитроумным законам небесной механики, приближался к планете со скоростью около двадцати километров в секунду. Если бы этот небесный странник обладал хотя бы частичкой разума и соответствующими органами чувств, он смог бы вполне достойно оценить красоту разворачивающейся перед ним картины.

Сначала ничем не выделяющаяся на небосводе звездочка начала очень быстро увеличиваться в размерах. Вскоре она превратилась в огромный голубой шар, обрамленный дымкой атмосферы. Большая часть планеты была покрыта водой. Площадь суши составляла около тридцати процентов ее поверхности. В свою очередь, основная часть суши этого мира была окрашена в зеленый цвет. Сей факт однозначно позволял сделать вывод о том, что на планете существуют не только высокоорганизованные формы растительной жизни, но и соответствующие виды животных, поскольку, согласно вселенскому закону единства, если есть лес, значит, обязательно должен быть тот, кто пользуется его дарами.

Вот чего не смог бы увидеть из космоса наш пришелец, было то, что обычно принято называть следами высокоразвитой разумной деятельности, если считать таковыми облака смога над перенаселенными мегаполисами, радужные нефтяные пятна на поверхности океанов и морей, превращенные в смердящие помойки русла рек и прочие доказательства подобного рода. Впрочем, наличие вращающихся вокруг планеты обломков космических летательных аппаратов и искусственных спутников однозначно свидетельствовало в пользу того, что так называемая высокоразвитая цивилизация некогда в этом мире все-таки существовала. Внимательно изучив эти обломки, было бы несложно понять, что местные аборигены только лишь ступили на путь освоения бескрайней Вселенной и тут же по какой-то неведомой причине отказались от него. Что явилось основанием для подобного отказа, и что стало с самими жителями этого чудесного голубого мирка? Очевидно, ответы на эти, а также другие вопросы лежат там внизу на самой планете. Но космического странника они не волновали. Железная глыба вошла в контакт с плотными слоями атмосферы и, подчиняясь все тем же неумолимым законам природы, вспыхнула ярким пламенем сгорающего в атмосфере металла.

Поверхности планеты метеорит достиг, изрядно похудев и существенно сбавив скорость. С оглушительным звуком он вошел в соприкосновение с выпирающим из-под земли округлым гранитным валуном, но не рассыпался на мелкие осколки, поскольку, срикошетив, потерял кинетическую энергию и шлепнулся в неглубокую лужицу, оставленную ночным дождем посреди довольно обширной лесной поляны. От соприкосновения с раскаленной докрасна поверхностью метеорита вода зашипела, и место его падения на какое-то время покрылось густыми клубами пара. После того, как лужа полностью испарилась, а облако

рассеялось, взглядам всякого желающего открылся неопрятного вида весь забрызганный грязью и покрытый копотью булыжник размером с голову пасущегося на соседней поляне единорога. Но любоваться небесным странником, превратившимся отныне в неотъемлемую частичку этого мира, было некому, поскольку вся способная к передвижению живность разбежалась в разные стороны при первом появлении непрошенного гостя, а деревьям по большому счету было все равно, ибо столь незначительное происшествие было расценено лесными патриархами как факт недостойный их драгоценного внимания.

Вскоре на лесной поляне все вернулось на круги своя: защибетали птицы, в густой траве застрекотали насекомые, деловито пробежал какой-то ушастый зверь. Никто не обращал внимания на странные трансформации, которые начали происходить с булыжником, валявшимся у подножия одного из деревьев. А посмотреть было на что. Совсем скоро его темная поверхность покрылась бурыми пятнами ржавчины. Процесс окисления металла происходил настолько быстро, что уже через пару часов от упавшего метеорита начали отслаиваться чешуйки окарины вместе с грязью и ржавчиной, а по истечении суток, кусок небесного железа превратился в кучку бурой пыли. Налетевший откуда-то ветерок легко развеял невесомый порошок, а прошедший вскоре дождь окончательно смыл все следы недавнего присутствия небесного скитальца.

Часть первая

Сбалансированная экосистема

Феллад бежал без перерыва никак не менее двух часов. Не то, чтобы он уж очень торопился успеть в какое-то определенное место, если бы подобная надобность возникла, юноша непременно обратился бы за помощью к своим братьям-Деревьям, и те в считанные мгновения доставили бы его в любую точку планеты. Он получал ни с чем не сравнимое удовольствие от самого процесса работы могучих мышц своего молодого и очень сильного организма. Когда Фелладу надоедало бежать ногами по земле, он высоко подскакивал, цеплялся руками за ближайшую ветку или лиану и, используя их в качестве своеобразных гимнастических снарядов, передвигался среди древесных крон подобно ловкой длиннохвостой мартышке. Время от времени молодой человек вставал ногами на одну из толстых ветвей и, сбавляя скорости, перепрыгивал с ветки на ветку. После того, как бег по кронам ему наскучивал, Феллад вновь спрыгивал на твердую землю, и все возвращалось на круги своя...

Проснувшись поутру, юноша сообразил, что давненько не навещал Мудрого Квакха, и ему стало стыдно. Казавшиеся ранее весьма весомыми аргументы о том, что у него экзаменационная сессия, что ему нужно сдать кучу квалификационных тестов и зачетов, после того, как все его мытарства оказались позади, выглядели слабой отговоркой. Друг не должен забывать своего друга не только, когда у него есть время, он должен любыми путями изыскать всяческую возможность навестить своего закадычного приятеля, несмотря на тесты, зачеты и экзамены. Поскольку Феллад был существом легким на подъем, тут же за завтраком, он принял решение, не откладывая дела в долгий ящик, сегодня же слетать к Мутному озеру, с целью нанести визит вежливости старине Квакху.

Когда молодой человек покидал Урочище Единорога, звезды только начинали исчезать с небосвода, а дневное светило едва окрасило в алый цвет участок неба на востоке. Самые беспокойные из его соплеменников только-только стали покидать жилые коконы. Несмотря на свое вчерашнее обещание посвятить этот день Зильде, он не пошел к ее родовому Дереву – будить любительницу поспать в столь ранний час, все равно, что дразнить Угрюмого Хрю – здорового злющего носорога, вечно околачивающегося неподалеку от клановой рощи Феллада.

«Пусть эта настырная девчонка завтра пилит меня с утра до вечера, – мысленно рассуждал юноша, – чем сегодня слушать ее душераздирающие взвизги о том, как ей плохо, как у нее по причине недосыпа болит голова и еще что-нибудь в этом же духе».

После завтрака перед тем, как удалиться от своего родного гнезда, юноша посмотрелся зеркало. Молодой человек с нескрываемым удовлетворением окинул свою стройную широкоплечую фигуру. Используя собственную пятерню в качестве гребня, пригладил коротко стриженные волосы цвета выгоревшей на солнце соломы. Затем, хитро подмигнув самому себе серо-голубым глазом, поправил набедренную повязку, покинул жилой кокон и рванул, наращивая скорость, к лесной опушке.

* * *

Лишь этим утром, оказавшись под пологом девственного леса в полном одиночестве, Феллад наконец-то осознал тот факт, что восемнадцатилетний курс обучения им пройден вполне успешно, и не далее как вчера, сдав последний экзамен, он получил право называться взрослым мужчиной. Столь приятные мысли послужили причиной его хорошего настроения и подвигли на умопомрачительные скачки среди древесных крон.

Неожиданно внизу он увидел пятнистое кошачье тело. Двухметровый самец пардуса, соблюдая все меры предосторожности, подкрадывался к небольшому семейству лесных оленей. Бедные травоядные на подсознательном уровне понимали, что на них ведется охота, а также то, что неутомимый безжалостный охотник находится где-то неподалеку. Но поскольку ни один из органов чувств жертвы пока не определил, откуда исходит угроза, давать деру было рановато – вдруг побежишь не туда и ненароком сам угодишь в пасть кровожадного хищника.

Феллад даже замер с открытым ртом, любуясь отточенными предельно выверенными движениями гигантской кошки. При виде сцены охоты юношу охватило двойственное чувство: с одной стороны, он восхищался манерами и охотничьими повадками пардуса, с другой, ему было жалко незащищенных оленей. Вот хищник сгруппировался для решающего броска, похоже, он уже выбрал конкретную жертву. Именно в этот момент молодой человек принял решение. Вместо того, чтобы, как подобает взрослому мужчине, не вмешиваться в ход предстоящей схватки, он поступил как зеленый юнец, встав на защиту слабой стороны. Не задумываясь о последствиях своего поступка, Феллад прыгнул прямо на спину гигантской кошки. Оседлав животное, он правой рукой ухватился за его холку, а ладонью левой весьма чувствительно заехал своему «скакуну» по крупу. При этом он громко от всей души присвистнул, да так, что ошалевший пардус едва не грохнулся на брюхо, а испуганные олени с характерным звуком опорожнили свои кишечника и рванули прочь от демаскированного охотника.

Лишенный законной добычи зверь замер на мгновение, будто находился в раздумье, что делать с неожиданно свалившимся ему на спину наездником. Затем он жалобно, протяжно, вовсе неподобающе для зверя такой солидной комплекции мяукнул, но тут же опомнившись, громко рывкнул, да так, что листья на нижних ветвях близлежащих деревьев затрепетали от этого оглушительного рыка. Наконец он окончательно пришел в чувства и попытался укунить непрошеного седока за ногу. Острые как шипы вьющегося лимона, размером с указательный палец взрослого человека клыки звучно клацнули именно в том месте, где мгновением раньше находилось мускулистое бедро человека.

Не обладай Феллад столь феноменальной реакцией, быть ему без ноги, а скорее всего, и без своей беспокойной головы. Однако отточенные многолетними изнурительными тренировками рефлексy не подвели юношу и на этот раз. В тот момент, когда ужасные зубы чудовища сомкнулись, лова вместо возжеленной плоти совершенно неаппетитную пустоту, молодой человек твердо стоял обеими ногами на широкой спине хищника. Не успел пардус выразить свое разочарование очередным громким ревом, наш герой тем временем уже карабкался вверх по ветвям одного из древесных патриархов, корча уморительные рожицы разочарованному зверю.

Устроившись на одной из нижних ветвей, юноша с интересом наблюдал за реакцией хищника, не потерявшего надежду отомстить двуногому нахалу, дерзнувшему сорвать столь удачно начатую охоту. Гигантский кот всеми доступными ему средствами пытался достать человека. Он высоко подпрыгивал, стремясь ухватить Феллада зубами или сбить с ветки своей могучей когтистой лапой. Нужно отметить, что юноша всячески подначивал зверя к подобным действиям. Он то выставлял перед зубастой мордой одну из ног, то протягивал в его сторону руку, то, зацепившись ногами, свешивался с ветки вниз головой. Короче говоря, оба развлекались по полной программе, только с единственной разницей – один был сыт и воспринимал происходящее не иначе, как пустую забаву, другой был голоден зол и видел в кривляющемся на недоступной высоте двуногом сытный завтрак для себя, своей подруги и, вполне вероятно, для парочки пятнистых малышей.

Наконец эта забава прискучила человеку, и он решил ее прервать. Однако дабы у зверя не сложилось ложных представлений по поводу того, что все двуногие существа без-

обидны и могут стать легкой добычей для всякого лесного авторитета, Фелладу пришлось продемонстрировать хищнику некоторые возможности своего тренированного тела. Юноша дождался момента, когда гигантский кот в очередной раз высоко подпрыгнет, затем, удачно избежав контакта с острыми когтями и смертельно опасными зубами, левой рукой ловко схватил пардуса за кожную складку в районе холки. Приняв на себя дополнительную двухсот пятидесяти килограммовую массу животного, ветвь низко прогнулась, но не сломалась, лишь жалобно скрипнула. Пленный зверь яростно задергался, зарычал, засучил задними лапами, пытаясь нащупать прочную опору, но крепкая рука Феллада надежно держала на весу неподъемную тушу, не оставляя хищнику ни единого шанса на достойную сатисфакцию. Наконец молодому человеку надоело выслушивать душераздирающие вопли, постепенно переходящие в жалобное мяуканье. Кулаком правой руки он крепко саданул кота-переростка промеж ушей и милостиво разжал левую. Грохнувшись оземь, зверь завалился на бок и, закатив глаза, впал в бессознательное состояние.

Феллад с некоторым сочувствием посмотрел на распростертое у его ног громадное пятнистое тело и удовлетворенно отряхнул ладони от налипших на них волос. С одной стороны, юноше было жаль гордого зверя, с другой, он ничуть не сожалел о своем поступке, ведь ничего страшного не произошло. Зверь жив, скоро оклемается, пусть впредь нос не задирает драная кошка и знает, кто в лесу истинный хозяин. К тому же небольшая порция адреналина никогда не бывает лишней для всякого уважающего себя мужчины. В том, что он сам спровоцировал зверя, вмешавшись в ход естественного процесса добывания пищи, Феллад как-то не задумывался, хотя узнай о его безобидных шалостях патриархи родного клана, юноше досталось бы по полной программе.

«Однако подзадержался я малость, – подумал Феллад, – пора снова отправляться в путь дорогу».

Оставшееся расстояние до Мутного озера молодой человек преодолел без всяких приключений.

* * *

Как следует из самого названия, местные жители окрестили озеро Мутным по причине наличия в его водах избыточного количества взвешенных частиц. С таким же успехом водоем можно было бы назвать Круглым, ибо по форме он представлял собой практически идеальную окружность диаметром примерно два километра. Не нужно ходить к хранителям клановой мудрости, чтобы с первого взгляда понять, что с этим озером что-то не так. Дело даже не в его идеальной круглой форме или в не оседающей в течение тысячелетий странной взвеси. Достаточно одного взгляда на его берега и версия о естественном происхождении водоема отпадет сама собой, как абсолютно не жизнеспособная, поскольку окрестные горные породы до сих пор носят на себе характерные следы высокотемпературного воздействия. Отсюда можно сделать вывод, что данное озеро образовалось либо под влиянием внешних сил, например при падении приличных размеров метеорита, либо по необъяснимым причинам внутреннего свойства земной коры, приведшим к мощному подземному взрыву. Однако подобные научные загадки мало беспокоили жителей Урочища Единорога. Лишь во время учебных занятий в школе первой ступени какой-нибудь желающий немного поразвлечься преподаватель ставил перед школярами задачу, чтобы те, опираясь на обширный базис современных научных знаний, попытались выдвинуть и обосновать собственную версию происхождения Мутного озера.

Справедливости ради нужно отметить, что кроме Мутного озера в мире существовало множество других необъяснимых с точки зрения здравого смысла феноменов. Например, Дикая Лес на континенте Афра, разбросанные по всей планете загадочные подземные тон-

нели, кишащие всякой опасной живностью, нелишне будет упомянуть и о нескольких дюжинах локальных зон отторжения. Рассказы бывалых людей об этих местах леденят кровь и заставляют волосы на всем теле вставать дыбом.

И все-таки Феллада туда необъяснимо влекло. С самого раннего детства он твердо решил, что после того как вырастет, обязательно станет пластуном – разведчиком первопроходцем и покорителем территорий недоступных доселе для обитания людей и Деревьев. По всей видимости, в данном случае сказывалась авантюрная наследственность – его дед Бахар Ловкач при жизни был знаменитым на всю Евразу пластуном и отец его – Рыжий Дрок также является представителем этой уважаемой профессии. Фелладу не исполнилось еще и семи лет, когда дед вместе с десятком таких же, как и он искателей приключений отправился в опасные дебри Дикого Леса, опоясывающего жаркую Афру широкой лентой по экватору с запада на восток от Атлантики до Хиндейского океана. С тех пор о нем и его товарищах не было ни слуху, ни духу. Отец жив, здоров, но и его юноша почти не помнит, поскольку имел счастье в последний раз лицезреть родного папочку аж пятнадцать лет назад. Справедливости ради, нужно отметить то, что отважные пластуны ходят в аномальные зоны вовсе не по причине досужего любопытства. Территории, неподконтрольные людям и Деревьям служат постоянным источником угрозы для обитателей планеты, поскольку время от времени оттуда появляются полчища кровожадных монстров, один вид коих способен привести в содрогание человека с самыми крепкими нервами. По этой причине пограничные пространства между Диким Лесом и внешним миром, иже с ними локальные зоны отторжения и прочие опасные места люди и Деревья стараются держать под постоянным контролем. Поэтому многочисленные разведывательные экспедиции внутрь этих территорий имеют по большей части вовсе не познавательное значение, а являются вынужденной мерой превентивного характера.

Фелладу и его соплеменникам повезло, что на землях, подконтрольных клану Единорога, широкий спектр аномальных зон был представлен всего лишь сравнительно небольшим озерцом, не представляющим ни малейшей опасности, ни для людей, ни для Деревьев. Все, что молодому человеку было известно об этом уникальном месте, это то, что в озере царил непроглядная тьма, водилась какая-то рыба, а самое главное, там обитал его друг Мудрый Квакх – удивительное существо, внешне похожее на вполне гармоничную помесь человека и лягушки. Откуда появилось это создание, никому не было ведомо. Даже Деревья, чьи знания распространяются на многие тысячелетия в прошлое, ничего определенного по этому поводу сообщить не могут, поскольку в те времена, когда первое Дерево едва лишь начинало укореняться на берегах озера, Квакх уже долгое время был единоличным владыкой и безраздельным хозяином его практически непроницаемых для солнечных лучей вод.

* * *

Сбежав по пологому берегу к самому урезу воды, молодой человек первым делом зашел по колено в озеро, зачерпнул из него сложенными в лодочку ладонями и с удовольствием напился. Несмотря на избыточное содержание взвешенных частиц, вода в озере была вполне пригодна для питья, мало того, даже считалась целебной. Поэтому Феллад пил ее без опаски подцепить какую-нибудь желудочную хворь. Утолив жажду, юноша присел на корточки и, используя ладони как барабанные палочки, принялся шлепать ими по воде, выступившая довольно сложную ритмичную композицию. Этому ритму в незапамятные времена их первого знакомства его обучил Мудрый Квакх – единственный представитель племени разумных лягухов.

Ответ на «барабанную дробь» последовал практически незамедлительно. Мутное озеро метрах в пятидесяти от берега вспучилось гигантским водяным пузырем. После того,

как пузырь опал, на поверхности воды появилась здоровенная, будто вызревшая тыква башка серо-зеленого цвета. Квакх приближался к берегу, легко рассекая воду, при этом его «милая мордашка» широко распахивала преогромную пасть, демонстрируя гостю бесчисленное количество акульих зубов. Такая реакция озерного отшельника свидетельствовала о несказанной его радости по поводу долгожданного визита закадычного приятеля.

Феллад вспомнил, какое впечатление когда-то произвел вид счастливой мордашки его друга на весьма чувствительную Зильду и едва не покатился со смеху. Тогда ему удалось догнать улепетывающую, что было мочи девушку лишь у самой кромки леса. Пришлось, правда, приложить для этого кое-какие усилия. Однако временный испуг не помешал свое нравной девчонке уже через полчаса понукать водным жителем с той же бесцеремонностью, с какой она привыкла понукать всяким разумным существом, имевшим несчастье попасться ей на глаза.

– Привет Флл, – выбравшись на берег, проквакал Квакх, что означало: «Привет Фелл», но тут же перешел к прямому общению мыслеобразами, поскольку речевому аппарату озерного жителя язык людей был практически недоступен: – Рад тебя видеть, мой мальчик! Можешь не извиняться за свое долгое отсутствие, я все понимаю – пора взросления, становления...

Ростом Квакх был невысок – едва по грудь рослому юноше. Издалека и в темное время суток его вполне можно было бы принять за человека, но только не вблизи и при свете солнца. Скорее это была гипертрофированная лягушка – жертва эксперимента какого-то шутника-чародея из детской сказки. Представьте на минуту вставшую на задние лапы жабу ростом около полутора метров у которой вместо обычной жабьей головы на плечах находится некое образование, внешним видом напоминающее здоровенную приплюснутую тыкву, снабженную, в свою очередь, парой выпученных глаз, расположенных едва ли не на самой макушке, и зубастой пастью от уха до уха. Вообще-то ушей в обычном для вида гомо сапиенс понимании, на голове Квакха не наблюдалось, их функцию выполняла пара прикрытых кожными мембранами отверстий, находящихся позади глазных выростов. Нижние конечности Квакха были снабжены лапами, на его руке было четыре длинных тонких пальца, соединенных эластичными перепонками и вооруженных острыми крючковатыми когтями. Кожа существа, как уже отмечалось, была серо-зеленого оттенка, причем на груди значительно светлее, чем на спине.

В свою очередь Феллад подошел к выбравшемуся из воды другу, обнял его и вслух произнес:

– Привет, лягух! Прости за долгое отсутствие, занят был по самые уши.

– Привет! – еще раз мысленно повторил Квакх и недовольно добавил: – Что-то сегодня ты не торопился в гости к Мудрому Квакху. Я уж совсем тебя заждался. Всякие нехорошие мысли в голову полезли. Хотя, что с тобой может случиться?

– Ты заждался?! – удивленно воскликнул молодой человек. – Откуда ты мог знать, что я к тебе приду, если я и сам до сегодняшнего утра этого делать не собирался?

– Конечно, не собирался, – укоризненно покачал головой лягух, – тебя пока не позовешь, о старом друге и не вспомнишь.

– Ты меня позвал?

– Позвал. И что тут такого?

– Ты же сам говорил, что на таком расстоянии ментальная связь невозможна, – удивленно заморгал глазами Феллад.

– Действительно говорил. Ну и что? Уж очень мне нужно было повидать своего беззаботного друга именно сегодня, поэтому пришлось изрядно поднапрячься, чтобы создать ментальный посыл достаточной мощности, к тому же помогло родство наших душ, а также

то, что с утра твоя голова не была забита всякими пустяками. Ну ладно, о делах поговорим потом, а сейчас рассказывай, как сдал экзамены и вообще...

– А я-то все голову ломаю: отчего это с утра у меня все внутри так и свербело, непонятно почему прямо-таки тянуло к Мутному озеру...

Друзья присели на один из прибрежных валунов, и молодой человек принялся с жаром рассказывать озерному обитателю о том, какие препоны и мудреные ловушки пришлось ему преодолеть на тернистом пути к взрослой жизни.

– Попробуй-ка в одиночку выжить хотя бы пару дней на границе одной из локализованных аномальных зон без поддержки Деревьев, – громко восклицал юноша и тут же, ничуть не стесняясь своего хвастовства, заявлял: – А я там пробыл целый месяц. Ты даже представить себе не можешь, с какими тварями пришлось столкнуться твоему другу. Моли Матушку Природу о том, чтобы никогда не повстречаться нос к носу с крабоскорпионом, змеедраконом или хотя бы с безобидным, на первый взгляд, но очень опасным на поверку гигантским крысоидом... – Не доведя мысль до конца, Феллад тут же переключился на другую тему: – А риторика, стихосложение, многомерная геометрия, расчет пространственных координат на основании уравнений нелинейной алгебры и еще куча всяких заковыристых предметов. Квакх, хотя бы ты можешь мне объяснить, зачем человеку, собирающемуся стать отважным пластуном и знаменитым покорителем аномальных зон, интегральное исчисление или рифмоплетика? Умение задерживать дыхание под водой или приемы рукопашного боя, маскировка, правила выживания в агрессивных условиях аномальных зон – это я понимаю, но арифметика и песнопения только для засорения мозгов...

– Много ты понимаешь, – возразил ему Квакх, – а что ты будешь делать долгими вечерами на привале? Тоска, она знаешь какая штука? Припрет так, что ни вздохнуть, ни охнуть, никакой романтики не захочется. А песенку спел и на тебе – отдушина, и настроение сразу поднимется, и на подвиги вновь потянет, и вообще с песней по жизни шагать куда веселее.

– Глупый лягух, зачем петь самому, когда можно обратиться к ближайшему Дереву, и оно усладит твой слух ариями самых лучших исполнителей.

– Ага, – весело ухмыльнулся Квакх своей зубастой пастью, – и этот самонадеянный юнец собирается отправиться в одну из зон или хуже того в Дикий Лес и не знает, что там растут вовсе не те деревья, которые в любой момент с удовольствием предоставят ему и кров, и стол, а также музыку в исполнении самых выдающихся музыкантов и певцов.

– Совершенно верно, – шлепнул себя по лбу Феллад и тут же вновь поменял тему разговора: – Квакх, как ты думаешь, нам стоит дожждаться совершеннолетия Зильды или, как она предлагает, в тайне от всех сойтись браком...

– ...а когда у нее начнет расти животик, предстать перед честным народом и прилюдно покаяться, – закончил мысль друга хозяин Мутного озера. – Вообще-то в вопросах семейной жизни и взаимоотношения полов давать советы – дело неблагодарное, но тебе, как лучшему другу я скажу: держись от этой девчонки как можно дальше.

– Это почему же?

– А потому, что такие особы как твоя Зильда обычно делают своих мужей бессловесными подкаблучниками, постоянным объектом для насмешек и издевательских выпадов со стороны всей деревни. К тому же, если ты с ней свяжешься, пиши, пропало – конец твоей карьере пластуна. Уж она-то найдет способ привязать тебя к своей юбке. Поэтому, парень, если хочешь посмотреть на мир, испытать счастье настоящего воина, хватай ноги в руки и, не откладывая дела в долгий ящик, беги куда подальше от этой самой Зильды. Уж мне-то поверь – за свою долгую жизнь старый Квакх многое повидал.

– Плохо ты меня знаешь!.. – возмутился, было, юноша, но, напорвшись на холодный взгляд пронизательных глаз собеседника, осекся.

– То-то и оно, – покачал перед носом юноши указательным пальцем правой руки Мудрый Квакх, – как говаривали твои далекие предки: «С сильным не борись, с умным не судись». Еще раз повторяю: выбрал карьеру героя, держись от противоположного пола как можно дальше. – После этих слов он на некоторое время задумался каким-то своим мыслям, затем продолжил: – Помнится в стародавние времена, когда здесь не было толком ни твоих соплеменников, ни ваших чудесных друзей Деревьев, проходил мимо моего озера один забавный субъект. Лохмат был, что твой медведь во время линьки и с мозгами у него было не все в порядке. Утверждал, что ищет истинного Бога, мол, старый крепко подвел его народ, не оправдал доверия, поэтому для спасения бессмертной души его самого и его соплеменников жизненно важно в срочном порядке подыскать другой объект для поклонения. Помнится, этот самый искатель поведал мне одну поучительную историю. Дескать, жил когда-то парень по имени Самсон, силищи необыкновенной. Полчища филистимлян одной левой делал...

– Погодь, лягух, объясни, кто такие филистимляне.

– Хрен их знает, вполне возможно, нечто-то типа полуразумных чудищ из ваших аномальных зон, про которых ты мне все уши прожужжал, а может быть, что-то и вовсе несусветное – тогда на Земле все было совершенно иначе. – Не скрывая своего неудовольствия по поводу несдержанности слушателя, проворчал Квакх и сразу же продолжил свой рассказ: – Связался Самсон с одной девицей по имени Далила, но не знал горемычный, что его подруга подослана к нему этими самыми филистимлянами для того, чтобы выведать секрет его силушки необыкновенной. Всякие женские штучки применила она к размякшему олуху и запудрила башку парню до такой степени, что он ей и рассказал, мол, вся сила его в волосах и если их обкорнать, тогда с ним даже малый ребенок справится шутя. Дождалась Далила когда ее любовничек заснет, обчекрыжила парня под кокосовый орех и кликнула своих друзей филистимлян. Те обрадовались, парню глаза выкололи и в яму глубокую посадили... – лягух тяжело вздохнул и грустно подытожил: – Короче, Фелл, все несчастья от баб, поэтому держись от них как можно дальше.

– Ну, Квакх, – юноша нетерпеливо заерзал на камне, – что стало с этим Самсоном потом? Успели Деревья прийти к нему на помощь?

– Глупый ты, человеческое отродье, ваши Деревья появились значительно позже, поэтому тот простофиля так и остался до конца своих дней без глаз, потому как народ в те времена был дикий и если кто-то терял руку, ногу или какой другой орган, то навсегда.

– А... понятно... они не умели запускать процесс регенерации тканей, – задумчиво произнес Феллад. – Действительно дикие – что может быть проще, в наше время это умеют делать даже малые дети.

– Все верно, у вас же есть мудрые учителя Деревья, – тут же отозвался лягух. – Кстати, Фелл, в твое отсутствие я занимался кое-какими весьма интересными исследованиями в результате которых получил просто ошеломляющие результаты. Короче, мне необходима твоя помощь.

– Какую помощь способно оказать столь мудрому существу обыкновенное «человеческое отродье»? – Попытался съехидничать Феллад, но, наткнувшись на насмешливый взгляд своего друга, тут же закрыл рот.

– А ты злопамятный, Фелл, – заметил хозяин и тут же наградил друга ментальной затрещиной от которой тот едва не впал в состояние беспамятства. Осчастливив подобным образом приятеля, Квакх вскочил на ноги и громко завершал: – Подловил! Подловил! Опять ты не успел поставить защиту! – Немного успокоившись, он вновь усадил свою задницу на разогретый валун и продолжил нравоучения в более спокойном тоне: – Сколько раз старина Квакх должен тебе объяснять, что для всякого пластуна умение вовремя ставить ментальный

блок есть самое важное из всех его умений. И после этого ты смеешь обижаться за то, что тебя всего лишь назвали человеческим отродьем?

– Ладно, лягух, уел! – примирительно махнул рукой Феллад. – Рассказывай, чем я могу быть тебе полезен?

– Видишь ли, – нерешительно начал Квакх, – моя просьба может показаться тебе довольно странной...

– Настолько странной, что по причине врожденной застенчивости мы будем еще целый час тянуть пардуса за хвост! Что у тебя там такое? Говори, не стесняйся!

– Короче мне в срочном порядке необходимо поговорить с Деревьями, но, как тебе известно, без посредничества кого-нибудь из людей это невозможно.

– Что может быть проще! – радостно воскликнул Феллад и тут же осекся – кому как не ему было отлично известно неприязненное отношение его закадычного друга к Деревьям.

Квакх неоднократно высказывал подозрения в том, что Деревья попросту используют людей в своих корыстных целях, что рано или поздно они откажутся от сотрудничества и тем самым обрекут человечество на постепенную деградацию, а в конечном итоге на полное вымирание. На чем основывались эти его подозрения, лягух не сообщал, но всячески агитировал Феллада поменьше надеяться на помощь «сомнительных друзей», а почаще проявлять инициативу хотя бы в вопросах самообеспечения продуктами первой необходимости. После нескольких особенно жарких словесных стычек по поводу потенциальной ненадежности союза людей и Деревьев молодой человек всеми способами старался избегать любых разговоров на эту тему. Для себя юноша сделал вывод о том, что от постоянного затворничества у приятеля малость «поехала крыша», в результате чего произошло обострение параноидальных наклонностей его и без того тяжелого характера.

И теперь Мудрый Квакх без дополнительных уговоров и понуканий просит Феллада стать посредником. Чудеса, да и только. Юноша посмотрел на своего водяного друга и сразу же понял по его поникшему внешнему виду, с каким трудом тому удалось перебороть свою взлелеянную за многие века ненависть к Деревьям. Паршивое настроение самолюбивого лягуха усугублялось еще и тем, что он не мог сам на прямую выйти на контакт с ними и был вынужден обратиться за помощью к третьему лицу. Пусть это третье лицо – его единственный и самый закадычный друг, если не считать, Зильды, которую, нужно отметить, хозяин Мутного озера терпел лишь из уважения к Фелладу.

«Интересно, – подумал молодой человек, упустив из виду тот факт, что всякая его мысль доступна собеседнику, – какая архиважная причина заставила этого закоренелого древоненавистника опуститься до общения с братьями-Деревьями?»

– В свое время узнаешь, – ответил «древоненавистник», а юноша с досадой отметил, что в очередной раз потерял контроль над своим сознанием и вполне мог бы пропустить еще один ментальный оперкот. – Пока все, что мне нужно, это как можно быстрее вступить в контакт с вашими сомнительными благодетелями.

Феллад отметил для себя, что даже насущная необходимость отправиться на поклон к Деревьям не отвратила его друга от предвзятого отношения к расе разумных растений. Однако эти мысли не были услышаны лягухом, поскольку юноше удалось очень быстро отойти от эмоционального шока, вызванного неожиданной просьбой приятеля, и полностью взять под контроль собственное сознание. Своими феноменальными способностями к концентрации Феллад был обязан исключительно педагогическому таланту Мудрого Квакха и его садистскому методу ментальных затрещин. Подобных подлых ударов за время знакомства с лягухом он получил превеликое множество, но вовсе не был в обиде на своего учителя, поскольку лишь благодаря приобретенным способностям предельно дисциплинировать свое мышление ему без особого труда удалось получить высшие баллы по всем экзаменационным дисциплинам. К тому же довольно частые потрясения подобного рода и необ-

ходимость поиска путей экстренной защиты от них стали причиной резкого повышения активности головного мозга юноши, а это в свою очередь привело к появлению у него некоторых паранормальных способностей, не свойственных прочим представителям вида гомо сапиенс. Например, находясь в воде, он мог задерживать дыхание на сколь угодно долгое время. Каким образом ему удавалось многократно регенерировать кислород в своих легких из отработанной углекислоты, Феллад и сам не мог бы объяснить, но факт остается фактом. Кроме того, он мог без помощи Деревьев телепортировать свое тело, правда, пока на короткие расстояния, ограниченные несколькими десятками метров, но со временем он рассчитывал развить эту способность своего организма так, чтобы попадать самостоятельно в любую точку планеты. Здесь необходимо отметить, что умения телепортировать было у него лишь в зачаточном состоянии, и свободно манипулировать этой своей способностью Феллад пока не умел. Иными словами, иногда он мог переносить себя, но чаще был не в состоянии это проделать. Почему так происходило, он не знал.

Со свойственной всякому незрелому существу беспечностью Феллад никогда особенно не заикливался на странностях своего организма и вовсе не делал из них тайны. Однако его соплеменники не увидели в этих «фокусах» совершенно никакой пользы. Лишь Деревья подвергли его всестороннему изучению и, убедившись, что юноша не представляет никакой опасности для окружающих, оставили Феллада в покое.

– Ладно, не кипятись, – обезоруживающе улыбнулся юноша, – организую тебе встречу с Деревьями. С меня не убудет, а другу – радость.

– Не радость, а вынужденная необходимость, – поправил приятеля лягух.

– В таком случае, поднимай побыстрее свою задницу и отправляемся к ближайшему Дереву.

– Погодь, паря, мне не нужно ближайшее, ты меня сведи с самым главным из всех деревьев – не по чину уважаемому Квакху на старости лет преодолевать бюрократические препоны и бегать по инстанциям.

Феллад хоть и не все понял из заковыристой фразы своего товарища, но общий смысл ее он вполне уловил. Много раз юноша пытался объяснить этому ограниченному индивидуалисту, что Деревья вовсе не являются сообществом или группой мыслящих индивидуумов, по своей сути это единое мыслящее существо планетарного масштаба, а также то, что, общаясь с любым из Деревьев, ты общаешься со всеми Деревьями одновременно. Почему-то в эту нехитрую тонкость никак не мог вникнуть Мудрый Квакх, несмотря на всю свою мудрость. На этот раз Фелл ничего не стал объяснять другу, он лишь кивнул головой и, стараясь изо всех сил сохранить серьезное выражение на лице, уверенно ответил:

– Разумеется, ты будешь общаться с самым главным и важным из Деревьев.

После этих его слов друзья встали со своих насиженных мест и дружно потопали к кромке леса, расположенной в полукилометре от Мутного озера. При этом Квакх смешно раскорячивал и высоко поднимал свои ноги, дабы ненароком не зацепиться за какую-нибудь корягу лапами и, упаси Боже, не свернуть себе шею.

* * *

Немного не дойдя до леса, лягух окончательно сник. Убедительные доводы напарника о том, что его другу нечего опасаться, мол, всякая тварь, рискнувшая распахнуть пасть на Квакха, будет иметь дело с ним – Фелладом настроения озерному обитателю не прибавили, поскольку тот меньше всего опасался нападения какой-либо хищной зверюги. Наконец хозяину Мутного озера надоела хвастливая трескотня товарища, и он попросил его в довольно грубой форме «заткнуть фонтан красноречия».

– Видишь ли Фелл, – пояснил Квакх, – у меня агорафобия или боязнь открытого пространства – поживи с мое практически в полной темноте и одиночестве, не такое заработаешь.

Феллад понимающе кивнул головой но «фонтан не заткнул», а пользы ради – дабы хоть как-то отвлечь друга от нехороших мыслей, в очередной раз попытался вывести у того, каким образом ему удастся вполне сносно ориентироваться в кромешной тьме и даже добывать себе пропитание. Как обычно, в ответ на свой вопрос он получил абракадабру из маловразумительных терминов: «кожное зрение», «ментальная локация», «распространение сигнала в коллоидных средах» и прочей наукообразной белиберды. Пространная лекция разумного земноводного ничуть не продвинула юношу по пути понимания сути явления, зато лягуха она здорово отвлекла от всех его реальных и мнимых фобий. Под тенистый полог леса Квакх вошел, увлеченно размахивая верхними конечностями и осыпая Феллада сложнейшими мыслеобразами, забыв напрочь о существовании такого серьезного заболевания как агорафобия.

– ... а рыба, она дура – сама лезет в пасть, ты ее только помани, поэтому мне не нужно даже отвлекаться от своих научных изысканий для того, чтобы обеспечить себе нескончаемый праздник живота. – Подытожил Мудрый Квакх, едва не врезавшись лбом в покрытый шершавой корой ствол Дерева, к которому его привел Феллад.

– Вот мы и пришли. – Юноша раздвинул руки, будто собирался обхватить ими толстенный ствол, затем, указав на выступающее из-под земли узловатое корневище, обратился к лягуху. – Ты присядь пока, на тот корешок, а мне необходимо пообщаться с древесным братом.

Квакх последовал совету друга и присел на гладкий и огромный как освобожденный от плоти череп зуба корневой узел, продолжая сохранять при этом напряженную позу. Феллад тем временем закрыл глаза, постарался максимально сосредоточиться и направил мысленный посыл, обращенный к коллективному разуму братьев Деревьев. Ответ не заставил себя долго ждать. Как обычно в подобных случаях, на юношу накатила теплая волна благожелательности и спокойствия, а сам он будто оказался окруженным уютным синеватым маревом, непроницаемым ни для какого физического воздействия. Это означало, что человек, обратившийся к Деревьям, взят полностью под их защиту и может спокойно общаться, не опасаясь, что в это время какая-либо прожорливая тварь слопает его брентную оболочку, оставленную без присмотра хозяина. Затем в голове Феллада раздался приятный бархатный баритон:

– Мы рады приветствовать тебя, Феллад! Рассказывай, за какой надобностью ты обратился к нам в этот раз?

Молодой человек с молоком матери впитал любовь и уважение к братьям-Деревьям, он прекрасно понимал, что без их помощи жизнь всех людей была бы не столь вольготной, скорее попросту невыносимой, но каждый раз его неприятно раздражала их манера общения: «Привет... Что нужно?... До свидания...». Конечно же, он понимал, что супермозг планетарного масштаба в это самое время вполне может общаться с сотнями тысяч, а может быть, и с миллионами его соплеменников, поэтому разводить тары-бары и задушевные беседы со всеми подряд у него попросту нет времени. Однако подобная утилитарность, рационализм и отсутствие душевной теплоты в процессе общения с людьми, несмотря на излучаемый Деревьями ментальный поток благожелательности, всегда вызывали у Феллада неприятное чувство, будто они относятся к человечеству с долей высокомерия и снобизма. Очень часто молодой человек ругал себя за столь крамольные мысли, но ничего с этим поделать не мог. Вот и на этот раз, преодолевая некоторое раздражение, Феллад постарался изложить суть дела как можно доходчивее и по возможности в краткой форме:

– У меня очень важное дело, уважаемые братья. Некто Квакх – обитатель Мутного озера желает немедленно пообщаться с вами.

Сразу же после этих слов что-то вокруг неуловимо поменялось. Лишь через пару мгновений Феллад осознал, что ментальный поток, излучаемый Деревьями, резко изменил свою структуру. Теперь он был откровенно удивленным.

– Мудрый Квакх желает вступить с нами в контакт? – В мысленном послыле Деревьев ощущалось нескрываемое замешательство, граничащее с полной растерянностью.

Феллад с удивлением и некоторым удовлетворением отметил этот факт – на его памяти Деревья впервые вели себя подобным образом. Во всяком случае, он никогда не слышал, чтобы они кого-либо переспрашивали по поводу очевидных истин. Ну пришел к ним на встречу сам Мудрый Квакх, ну просит аудиенции через друга. Что же в этом такого неожиданного и экстраординарного? Конечно, жить бок о бок многие тысячелетия и ни разу не заглянуть друг к другу на огонек – это не очень-то по-соседски, но рано или поздно все случается в первый раз, и нужно всегда быть к этому готовым. Может быть, этот первый визит станет началом большой взаимовыгодной дружбы Деревьев, разумных земноводных (правда в единственном числе) и людей. А что? Как любит говаривать хозяин Мутного озера: «Чем черт не шутит, когда Бог спит?»

– Совершенно верно, – кивнул головой юноша. – Мудрый Квакх желает поделиться с вами какой-то информацией. Только здесь имеется небольшая загвоздка... – Замялся Феллад.

– Какая?

– Видите ли, братья-Деревья, лягух никак не может понять, что вы есть не множество отдельных личностей, а единое разумное существо. Поэтому он желает общаться только с самым главным из вас.

– Понятно, Феллад, разум закоренелого индивидуалиста ограничен рамками эгоцентрического восприятия действительности, поэтому ни при каких обстоятельствах не желает покинуть пределы обжитого за многие тысячелетия мирка. Что ты предлагаешь для решения данной проблемы?

– Я так понимаю, что вывести Квакха из состояния эгоцентрического коллапса в данный момент невозможно. – Покраснел от удовольствия юноша, так как, обычно коллективный разум братьев Деревьев требует недостающих данных, а потом выдает ответы на различные вопросы. Сегодня все иначе – сами Деревья спрашивают у него – двадцатидвухлетнего юнца совета. Широкою грудью Феллада едва не разорвало от распирающего чувства гордости за себя, любимого. С трудом сдерживая эмоции, он продолжил: – Поэтому и не следует его разубеждать. Достаточно переместить нас к подножию одного из самых рослых представителей вашего племени и во время беседы с ним разговаривать от первого лица единственного числа: мол, не «мы», а «я».

– Хорошо, – согласились Деревья, – мы создаем портал.

Возвращение к реальности для Феллада было как обычно легкой и приятной процедурой. Встряхнув головой, чтобы окончательно прийти в себя и, посмотрев на сидящего на прежнем месте лягуха, бодрым голосом обратился к товарищу:

– Все схвачено, Мудрый Квакх, сейчас нас перенесут к подножию самого главного Дерева. Там ты с ним и сможешь пообщаться вволю.

Как бы в ответ на слова юноши на расстоянии нескольких метров начало сгущаться сиреневое облачко. При его появлении Феллад, для которого врата в канал гиперпространственного перехода были явлением привычным, даже бровью не повел. Что же касается реакции обитателя водных глубин, она оказалась вполне предсказуемой. Лягух, ни разу в жизни не сталкивавшийся с подобными явлениями, резко подскочил со своего места и со всех ног кинулся к облаку, чтобы, по его собственному выражению, хорошенько рассмотреть все стадии его трансформации.

– Смотри, да только не сунь туда нос раньше времени, – ухмыляясь, познавательному задору лупоглазого естествоиспытателя, покровительственно проворчал Феллад.

На что тут же услышал очередной вопрос:

– А что может случиться в этом случае?

– А то, что любопытный нос отправится в одну точку пространства, а все остальное – в другую.

– У лягухов носов не бывает, – съехидничал Квакх.

– В таком случае, смело запихивай туда свою чересчур умную голову и подобные глупые вопросы в ней никогда больше не возникнут.

Пока друзья упражнялись в остроумии, облако окончательно материализовалось и приобрело форму четко очерченного овала трехметровой высоты и полутораметровой ширины, внутри которого клубилась и переливалась всеми оттенками фиолетового некая субстанция. Со стороны все это напоминало налитую в ведро сиреневую краску, в которую добавили изрядное количество темно-фиолетового колера и очень медленно вручную начали перемешивать полученную массу.

– Теперь можно, – доложил Феллад. – Шагай прямо и ничего не бойся – сам просил встречи с главным Деревом.

С явной опаской Квакх погрузил в фиолетовую субстанцию, а затем вновь извлек оттуда одну из своих передних конечностей. Лишь убедившись собственными глазами в том, что с его рукой ничего дурного не случилось, с решимостью загнанного в угол крысоида, готового до смерти закусать любого, даже самого опасного хищника, он бросился навстречу неизвестности. Вслед за ним, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, тут же проследовал Феллад.

* * *

– Вот это совсем другое дело! – немного оклемавшись, воскликнул Квакх – А ты – «отведу к ближайшему Дереву». Глянь, какой красавец – верхушка кроны едва до облаков не достает. С таким и общаться приятно – невооруженным глазом видать – солидный и вполне компетентный индивид.

Феллад также как и его приятель стоял у корней древесного гиганта, задрал голову и пытаясь разглядеть, что творится хотя бы на первом ярусе его внушительной кроны, располагавшейся метрах в пятидесяти от поверхности земли. Братья-Деревья расстарались на славу – о существовании таких сверхгигантов ни один из его соплеменников даже и не подозревал. Метров двести-двести пятьдесят в высоту, а то и все триста.

– Значит, ты вполне удовлетворен? – спросил он привередливого лягуха.

– Нет слов, Фелл, таких высоченных на берегах Мутного озера на моей памяти никогда не произрастало! – восторженно отозвалось разумное земноводное. – С этим парнем я готов разговаривать о чем угодно.

– В таком случае приготовься вступить в контакт. Ты лучше сядь, иначе с непривычки грохнешься и свернешь себе шею.

После того, как Квакх занял место на одном из змееподобных корневищ выглядывающих из-под земли в предостаточном количестве, юноша вновь мысленно воззвал к Деревьям...

На сей раз, перед его внутренним взором было две пылающие сферы. Если быть точным, Феллад сам был тем пространством, внутри которого происходила встреча коллективного разума Деревьев с индивидуальным интеллектом озерного обитателя. Виртуальная сущность Деревьев имела оранжевый цвет, она была поистине огромна. Излучающее холодное голубоватое свечение сознание лягуха выглядело в сравнении с этим гигантом

самой маленькой планетой солнечной системы рядом с ее необъятным светилом. Однако по интенсивности сияния голубая сфера обитателя водных глубин намного превосходила свечение оранжевого шара. Сам Феллад не был представлен в этом объеме никаким светящимся объектом, поэтому принимать участия в разговоре возможности не имел. Впрочем, такова незавидная доля всякого посредника – быть безмолвным статистом, обеспечивающим проведение важных переговоров, насколько важных, Феллад понял, буквально с первых фраз участников встречи на высшем уровне.

Все обошлось без обычного дипломатического словоблудия. Для начала высокие переговоривающиеся стороны обменялись сухими приветствиями, а также пожеланиями здоровья и дальнейшего процветания. После этого оранжевый шар со свойственной Деревьям прямоотой, граничащей с бесцеремонностью, обратился к лягуху:

– Не соблаговолит ли Мудрый Квакх ответить, какая нужда заставила его обратиться за помощью к моему племени?

Хозяин Мутного озера и сам не был настроен на отвлеченный диалог о погоде, рыбалке, перспективах на урожай мидий и прочей ерунде, именуемой светской беседой. Без всяких обиняков он взял быка за рога и принялся излагать суть проблемы:

– Видишь ли уважаемый... э...

– Древ. – Представился оранжевый шар. – Называй меня Древом.

– Хорошо, уважаемый Древ, в тиши непроницаемых для солнечного света глубин своей водной обители я занимаюсь некоторыми научными изысканиями... э... по большей части абстрактного свойства, то есть не имеющих прикладного значения. Например, меня постоянно мучает один деликатный вопрос: «Почему деревьев и людей в этом мире существует превеликое множество, а разумных лягухов всего-то раз-два и обчелся?», если быть точным, весь мой народ представлен в единственном экземпляре...

– Все это легко объяснимо, – прервал собеседника Древ. – Инстинкт продолжения рода – свойство всякого живого организма, если тебе нужно...

– Подожди, Древ, если ты думаешь, что я пришел к тебе просить, чтобы ты помог мне создать парную особь моего вида, ты глубоко ошибаешься. Мои возможности позволяют мне получить миллионы таких как я лягухов путем клонирования или, как вы называете: способом вегетативного размножения. Однако существует фактор, лимитирующий бесконтрольную репродукцию и распространение по всей планете особей моего вида. Дело в том, что я и мне подобные могут обитать только в водоеме, который люди называют Мутным озером и ни в каком другом, А места там хватает всего на одного единственного лягуха. И причина здесь вовсе не в том, что в озере мало места для многих, просто ни я, ни клонированный субъект не сможем жить бок о бок. Интерференционные наложения наших ментальных полей делают такое сосуществование в принципе невозможным. Впрочем, раскрою небольшой секрет. Мы лягухи – такие же смертные, как люди, деревья и остальные живые существа в этом мире, когда наступает пора отправляться на покой, из куса собственной плоти мы выращиваем преемника, передаем ему все накопленные знания и освобождаем место новому хозяину.

– Весьма интересно! – Оранжевый шар, занимавший и без того никак не меньше трети виртуального пространственного объема сознания Феллада, увеличился в диаметре едва ли не на половину, что, по всей видимости, означало степень крайнего удивления. – А мы считали тебя практически бессмертным существом, весьма уникальным в своем роде.

– Извини, уважаемый Древ, за то, что я вынужден развеять твои иллюзии по поводу моего бессмертия, но факт остается фактом – мы лягухи смертны. Однако все это я рассказал тебе вовсе не ради праздной болтовни. После того, как до моего сознания дошла истина, что существование на Земле стабильного сообщества моих соплеменников в принципе невозможно, я задался следующим вопросом: «Откуда вообще мог появиться такой биологиче-

ский феномен – а точнее нонсенс – как я?». Согласись, одна единственная особь не способна пройти бесконечно длинный путь эволюционного процесса. Если бы причиной появления моего вида являлась эволюция, таких как я было бы на планете величайшее множество, вполне возможно, что лягухи а не люди стали бы доминирующей формой разумной жизни. Прошу прощения, глубокоуважаемый Древ, я имел в виду разумной жизни животного происхождения.

– Ничего, я ничуть не обиделся на тебя, – ответил Древ. – Тем более, у нас есть довольно веские основания, что именно люди в этом мире стали первыми носителями разума. Мало того, появление всех прочих разумных существ обусловлено факторами, связанными с непонятной для нас деятельностью их далеких предков.

– В своих исследованиях, дорогой коллега, я пришел к точно таким же выводам. – Голубой шар, оставаясь в прежнем объеме, значительно увеличил интенсивность своего свечения, что, по всей видимости, означало крайнюю степень душевного волнения разумного земноводного. – Разработанный мною метод темпоральной трансгрессии позволил мне заглянуть в далекое прошлое. Результаты потрясающие, но очень многое мне непонятно. Если с твоей стороны, Древ, не будет возражений, я мог бы продемонстрировать нечто весьма интересное.

– Будь любезен, уважаемый коллега.

* * *

После произнесенной Древом фразы пространственный объем, в котором находились два светящихся шара, начал постепенно таять перед внутренним взором юноши, а сам он ощутил себя в мягком кресле колесного транспортного средства, мчащегося с бешеной скоростью по асфальтовому шоссе. Сознание Феллада будто разделилось на две половинки. Одна его часть удивленно и непонимающе взирала на все происходящее вокруг, для другой не было тайной значение загадочных терминов: «колесо», «асфальт», «автомобиль», «шоссе», «спидометр» и «сто двадцать километров в час». Особенно развеселило первую половинку сознания юноши забавное слово «баранка». Кроме того, он понимал, что в данный момент его разум заключен в человеческое тело мужского пола тридцати пяти лет от роду и что имя этого человека Андрей Смирнов. Противоестественное ощущение раздвоения личности приводило к тому, что, с одной стороны, Феллад знал все об этом человеке, будто прожил в теле Андрея Смирнова все его тридцать пять лет, а с другой – для юноши в этом мире абсолютно все было ново и весьма необычно. Феллад мог бы многое порассказать об этом человеке: о его социальном статусе, многочисленных любовных интрижках, запутанных отношениях с партнерами по бизнесу, и в то же самое время искренне удивляться своему знанию и недоумевать по поводу жизни, которую тот вел. Все-таки справедливым будет отметить, так жило подавляющее большинство разумных обитателей этого загадочного мира и не находило в этом ничего странного.

«Как же болит башка, – подумал Андрей, резко притормаживая, чтобы не въехать в широкую корму следующего впереди БМВ. – Нужно все-таки было объехать столицу по кольцевой. Черт меня дернул вырулить на Вернадского – того и гляди, движение остановится, тогда пиши, пропало – переговоры с субподрядчиками придется откладывать на завтра. Угораздило меня перебраться на вчерашнем банкете. Ох уж мне эти абхазы со своими кавказскими замашками – попробуй, выйди из-за стола не налижавшись как следует».

Оно бы все ничего, если бы сегодня ему не нужно было везти своих в аэропорт Домодедово – приспичило Ленке на малую родину в Анапу рвануть – детишек показать бабушке с дедушкой, на теплом песочке поваляться, в море поплавать, а ему теперь отдувайся по тридцатиградусной московской жары. Хотя не все так плохо – лучше жена к своей мамочке,

чем теща в гости к зятю. К тому же, впереди целый месяц холостяцкой жизни и прожить его следует так, чтобы потом не было обидно за бесцельно потерянные мгновения долгожданной свободы. Если бы еще кондиционер час назад не вышел из строя, можно было бы вполне плюнуть на головную боль и предаться смакованию будущих встреч с развратными, ну очень развратными дамами и приятными собутыльниками. Придется немного отложить эти радостные встречи, поскольку после работы нужно не забыть заехать в мастерскую, пусть Николай Афанасьевич посмотрит, что там с этим проклятым климат контролем. Андрей ласково провел рукой по бархатистой коже пассажирского кресла своего новенького престижного и весьма не дешевого Вольво.

Самые худшие предчувствия Андрея оправдались на все сто. Немного не доезжая до станции метро Юго-Западная, движущаяся к центру Москвы бесконечная вереница автомобилей остановилась как вкопанная. Проклиная все на свете последними словами, одуревшие от жары, ядовитых выхлопов и полной безысходности водители с тоской смотрели на длинный ряд плотно прижатых друг к другу автомобилей. Именно полная безысходность, когда ты оказываешься в пробке, угнетает больше всего. Осознание того, что в данный момент от тебя ничего не зависит, что твое драгоценное время находится целиком и полностью в руках какого-нибудь сержанта гаишника и от умения того разгрести кучи железа на колесах, скопившиеся на этом злосчастном перекрестке. А тот как назло вовсе не торопится разгрести эту кучу – изображает бурную деятельность, при этом совершенно не скрывает от народа будто нарисованную на усатой физиономии издевательскую ухмылочку, мол, посидите, помучайтесь, а я в отместку за свои пять с половиной тыщ в месяц хоть немного покуражусь над этими богатеями.

Полтора часа терпеливого ожидания и непрерывных забегов на микроскопические дистанции, свели все далеко идущие планы Андрея на нет. Он так и просидел все это время, судорожно сжимая баранку и стараясь удержать впереди плетущуюся тачку на расстоянии спичечного коробка, чтобы, упаси Господи, какой шустрый супостат не вклинился между автомобилями и не отсрочил долгожданную свободу на пару мгновений. Наконец ценой гибели энного количества нервных клеток головного мозга, изрядно подскочившего артериального давления и увеличения концентрации сахара в крови ему все-таки удалось заполучить вожделенную свободу.

Андрей врубил прямую передачу и уже собирался посильнее надавить на педаль акселератора, чтобы с ветерком проскочить расстояние между станциями метро Юго-Западной и Университетской, как под капотом что-то пронзительно завывало, затем раздался душераздирающий скрежет. Могучий автомобиль, прокатив по инерции пару десятков метров, ни с того ни с сего замер посреди широкого проспекта, будто вкопанный. Как назло водитель следующего сзади Опеля не успел отреагировать на резкую остановку впереди идущего транспортного средства со всеми вытекающими последствиями. Сопоставимый по мощности с ударом боксерской перчатки тяжеловеса удар подушек безопасности в лицо и по ушам едва не отправил Андрея в нокаут. Однако потрясение, полученное по причине того, что из-за какого-то невнимательного раздолбая его совершенно новый автомобиль, может быть, окончательно изуродован и больше не пригоден к дальнейшей эксплуатации, заставило его в самом экстренном порядке покинуть салон своей обожаемой «ласточки».

Выскочив на проезжую часть, молодой человек уже направился, было, к Опелю, как буквально в десятке сантиметров от него будто глыба сверкающего в солнечных лучах антрацита с ревом промчался могучий Лендровер. Автомобиль катил по странной извилистой траектории, будто им управлял в дымину пьяный водила. Чудом избежав столкновения с Андреем, внедорожник проехал с десятков метров и резко вильнул вправо. После чего, не сбавляя скорости, вмазался в толпу зевак, скопившуюся на тротуаре и лишь после этого остановился.

Что тут началось. Испуганные вопли людей, вой автомобильных клаксонов, крики и стоны раненых. Однако после этого все, отпущенные на сегодняшний день несчастья не закончились. Позади Андрея раздался страшный треск и визг раздираемого и сминаемого в гармошку металла. Обернувшись, он увидел, что на злополучный Опель, разворотивший заднюю часть его автомобиля, наехала груженная фура и буквально погребла под собой машину вместе с ее владельцем. Андрей с ужасом наблюдал, как из-под колеса грузовика высунулась человеческая рука, принадлежащая водителю раздавленного в лепешку Опеля, конвульсивно задергалась и вскоре обмякла.

«Кажется, готов», – как-то отстранено подумал Андрей.

На его глазах впервые умер человек и не просто умер, а был буквально раздавлен и похоронен под грудой искореженного металла. Молодой человек поднял глаза и увидел в кабине фуры бледное как мел лицо шофера. Он хотел подойти к водительской кабине, чтобы узнать, что стало причиной столь ужасной аварии, но не успел, еще один внедорожник на приличной скорости врезался на этот раз в осветительный столб. Удар был настолько мощным, что железобетонная конструкция надломилась, будто сухая веточка, и с грохотом упала на крышу автомобиля.

И тут со всех сторон начали раздаваться удары металла о металл. Мчащиеся по улице автомобили понесло друг на друга, они выскакивали на тротуары и беспощадно давили прохожих, таранили осветительные столбы, сносили рекламные щиты. Складывалось впечатление, что все автомобили вышли из-под контроля своих владельцев и теперь творят, что хотят.

«Может быть, это тот самый бунт машин, о котором так долго талдычили писатели-фантасты и авторы апокалипсических киноевиков? – подумал Андрей и тут же отмел эту мысль как несостоятельную: – Не может быть – скорее массовая катастрофа, какие на скоростных автомагистралях Европы случаются не так уж и редко».

Тем временем грохот сталкивающихся между собой автомобилей как-то сам по себе утих. Зато отчетливее стали слышны крики пострадавших. Андрей внимательно осмотрелся вокруг и с удивлением отметил, что проспект Вернадского в данный момент напоминает скорее поле битвы фантастических роботов, нежели обычную московскую улицу. Тут и там высились горы смятого автомобильного железа, которые образовались в результате активного наезда транспортных средств друг на друга. Десяткам, а может быть, и сотням зажатых в своих автомобилях людей требовалась экстренная помощь. Первой реакцией Андрея было желание тут же сообщить в милицию о том, что здесь случилось, и он по привычке полез в карман за мобильным телефоном. Однако, не обнаружив искомый прибор на привычном месте, вспомнил, что после разговора с женой, в котором она сообщила ему о том, что их самолет благополучно приземлился в Анапе, положил телефон на сиденье пассажирского кресла и, как водится, забыл о его существовании. Он бросился к водительской двери своей машины и попытался распахнуть ее, но случилось что-то вовсе невообразимое. Хромированная ручка запорного устройства при самом легком усилии вывалилась наружу вместе с замком и прочими деталями, а на этом месте образовалась рваная дыра с неровными краями. Не веря глазам своим, Андрей наклонился к образовавшемуся отверстию и с удивлением обнаружил, что дверца новенького автомобиля, изготовленная из оцинкованного листа хваленой шведской стали толщиной около миллиметра, начала рассыпаться прямо на глазах по причине банальной коррозии металла. Именно коррозии, поскольку по непонятной причине защищенный надежной цинковой пленкой от любого отрицательного воздействия окружающей среды металл очень быстро превращался в бурый порошок. Пока молодой человек наблюдал за этими странными трансформациями, из кабины большегрузной Татры, похоронившей под собой Опель вместе с водителем, выскочил молодой белобрысый парень и, выпучив глаза, заорал благим матом, обращаясь непонятно к кому:

– Не виноват я!.. Педаль тормоза провалилась... сука! Я не хотел!..

– Заткни пасть! – рявкнул Андрей. – Иди-ка лучше сюда и посмотри, что творится!

Подчиняясь уверенному голосу незнакомца, парень быстро подбежал к дверце его автомобиля и, уставившись своими водянистыми глазами на все увеличивающуюся дыру, почесал затылок и озадаченно пробормотал:

– Екарный бабай, это чё ж деется?!

– А теперь посмотри на это! – сказал Андрей и смачно плюнул на капот своей «ласточки».

Источая смрадную вонь, жидкость зашкворчала и вспенилась, будто попала на поверхность раскаленного утюга. Металл оказался очень горячим, и безоблачная погода вкупе с жарким июльским солнцем тут были абсолютно не при чем, поскольку в средней полосе России никакие солнечные лучи не в состоянии разогреть металл выше температуры кипения воды.

– Вот же падла, щас краска начнет пузыриться! – Только и смог произнести доведенный до крайнего состояния очумелости дальнбойщик.

– При чем тут краска! – закричал на паренька Андрей. – Железо окисляется с охрентельной скоростью, если это происходит со всеми автомобилями, через минуту-другую по проспекту Вернадского потечет река бензина вперемешку с соляжкой и маслом.

– Неужели американцы применили против нас какое-то новое оружие? – Бережно потирая ладонь, обожженную о горячую дверь своего автомобиля, выдвинул предположение вылезший из старинной «Волги» пожилой мужчина интеллигентной наружности.

– Американцы или еще кто-нибудь, неважно, – ответил Андрей и, напрягая изо всех сил легкие, заорал: – Люди, сейчас из поврежденных бензобаков начнет вытекать автомобильное топливо. Всем, кто способен передвигаться самостоятельно, срочно покинуть проезжую часть и тротуары! Прячьтесь во дворах прилегающих зданий! Еще раз повторяю: забирайте раненых и без паники уходите во дворы, скоро здесь начнется настоящий ад!

Но люди не слушали предупреждающих выкриков какого-то чудаковатого мужчины, выскочившего из покореженного автомобиля марки Вольво. Похоже, парень из-за потери своей весьма дорогостоящей иномарки, немного тронулся рассудком, поэтому несет всякую околесицу. Толпа выстроилась вдоль проезжей части и возбужденно гудела. Кое-кто из смельчаков пытался оказать помощь зажатым в своих транспортных средствах водителям, однако, коснувшись руками раскаленного металла, тут же отказывались от этой затеи. Несчастные какое-то время оглашали улицу громкими мольбами о помощи и невыносимыми криками боли, но очень недолго, повсюду начал распространяться удушливый запах горелого пластика и поджаривающейся заживо человеческой плоти.

Наконец изрядно проржавевшие корпуса автомобилей начали разваливаться прямо на глазах испуганной толпы. Из потерявших герметичность бензобаков на асфальт хлынули сотни литров бензина, дизельного топлива, а также моторного и трансмиссионного масел. Однако загорелось все это не сразу, а только после того, как взорвался баллон с пропаном, установленный на одном из автомобилей. В мгновение ока широкая московская улица превратилась в огненную реку. Языки пламени вздымались выше крыш окрестных многоэтажек, заживо сжигая многочисленные толпы зевак, не успевших толком оценить степень надвигающейся опасности.

В это время Андрей Смирнов в компании белобрысого дальнбойщика, интеллигентного вида старикана и нескольких девиц, поддавшихся на уговоры молодого человека убраться куда подальше с проезжей части, стояли во внутреннем дворике одного из домов и со страхом прислушивались к душераздирающим крикам охваченных пламенем людей. Постепенно двор начал заполняться испуганными жителями запылавшего как свечка дома, выходящего окнами на проспект Вернадского. Из их сумбурных реплик Андрей понял, что телевидение и радио вот как полчаса перестали работать, это также касалось всех видов

телефонной связи. В большинстве своем люди пребывали в шоке. Кто-то матерился, на чем свет стоит, проклиная неизвестно кого и непонятно за что. Некоторые рыдали в голос, небезосновательно опасаясь за жизнь близких родственников. Кто-то громогласно требовал объяснить, что в данный момент происходит вокруг и, не получив вразумительного ответа, начал еще больше распалаться.

Неожиданно где-то на севере столицы ярко полыхнуло, земля под ногами заходила ходуном и, спустя некоторое время, до слуха испуганных людей донесся оглушительный грохот.

– Кажется, реакторы Курчатовского института рванули, – с тоской в голосе констатировал старик. – Хвала Господу, что взрыв был не ядерный, а всего лишь тепловой, однако радиоактивное загрязнение местности все равно будет катастрофическим. Второй Чернобыль и прямо в центре столицы. Да что там столица?! Если процесс имеет глобальный характер, скоро вся планета станет одним огромным Чернобылем.

– Откуда знаешь, батя? – расширив от ужаса глаза и едва не заикаясь от волнения, спросил белобрысый.

– Да все оттуда же, – с ехидцей в голосе ответил старик, – трудился в отрасли почитай полвека, пока на пенсию не уехали, а за это время успел порядком насмотреться на ядерные, термоядерные и прочие взрывы.

– В таком случае, – обратился к нему Андрей, – не могли бы вы с точки зрения современной науки объяснить нам несмысленным, что сейчас творится вокруг.

– Катастрофа, молодые люди, – трагическим голосом произнес бывший ядерщик. – По какой-то необъяснимой причине изменились физические параметры нашего пространственно-временного континуума таким образом, что железо в чистом виде не может существовать в условиях кислородной атмосферы. Иными словами, при контакте с кислородом воздуха и атмосферными парами воды любая сталь, даже нержавеющая очень быстро превращается в гидрат окиси железа, по-другому – в обыкновенную ржавчину как, например, этот зубной мост. – Он сплюнул себе под ноги лишённые металлической основы пластмассовые детали стоматологического протеза. Затем ощерился беззубым ртом и, заметно пришепывая, сказал: – Все, теперь жевать нечем.

– Как вы считаете, – задал следующий вопрос Андрей, сочувственно посмотрев на старика, только что лишившегося большей части зубов, – этот процесс распространяется лишь на территорию Москвы или все намного серьезнее?

Незнакомец задумался на короткое время, будто прикидывал что-то в уме и, прокашлявшись от всепроникающей вони горящего бензина, ответил академическим тоном:

– Современная наука не располагает данными о том, каким образом можно оказывать воздействие на физические константы нашей Вселенной, чтобы добиться практически мгновенного окисления железа. Мы можем лишь выдвигать гипотезы и делать теоретические умозаключения. Вполне вероятно, изменение мировых постоянных имеет вселенские масштабы, а может быть, какие-то умники запустили процесс только в пределах нашей планеты или в отдельно взятом регионе. Хотя, еще раз повторяю, мне не только не известно о существовании подобных устройств, я не могу даже чисто умозрительно предположить, на основании каких физических законов может функционировать такое устройство. Если установка, генерирующая пространственно временные возмущения или какие-то неведомые доселе излучения, находится на поверхности Земли, то этот феномен гарантированно имеет локальный характер, поскольку само это устройство не должно попадать под действие создаваемых им полей. Однако если гениальные безумцы догадались вывести установку на орбиту и облучать всю поверхность планеты...

– Тогда этому миру полный писец, – закончил мысль Андрей.

– Грубо, молодой человек, но, по сути, очень даже верно. Вообще-то, я не могу понять, почему мы с вами до сих пор живы, ведь железо суть основа нашей крови? Почему столь стремительные окислительные процессы еще не убили все живое вокруг? Впрочем, я не специалист и в биохимии ничего не понимаю, – грустно улыбнулся бывший физик-ядерщик, – После того, как утихнут пожары на улицах, я бы на вашем месте бежал со всех ног и как можно дальше от столицы. Если в самое ближайшее время Москве не будет оказана гуманитарная помощь, здесь начнется такое, чего мне не хотелось бы пережить за все блага земные и небесные.

– А как же вы? – хлопая белесыми ресницами, спросил дальнбойщик.

– Похоже, срок моей жизни подошел к своему логическому завершению, при моем больном сердце и старческой немощи мне далеко не уйти, к тому же, – он бросил многозначительный взгляд на остатки зубных протезов, – мне теперь нечем жевать, а у вас молодых есть реальный шанс уцелеть и возродить цивилизацию людей если не в прежнем виде, то хотя бы как-то по-другому. – С этими словами старик пожал руки своим новым знакомым и медленно побрел к одной из незанятых лавочек рядом с оборудованной во дворе дома детской площадкой.

– Тебя как зовут-то, парень? – Спросил Андрей у бывшего дальнбойщика.

– Василием меня кличут, – часто-часто заморгал глазами паренек.

– А меня Андреем. У тебя кто-нибудь из родни имеется?

– Никого, – отрицательно замотал головой Василий, – детдомовские мы.

– В таком случае, Василий, если не возражаешь, пошли со мной – вдвоем все-таки веселее будет.

– А куда пойдём-то?

– В Анапу. Сегодня утром я отправил туда жену и детей. За полчаса до начала этого кошмара она мне сообщила по телефону, что самолет благополучно приземлился, что все живы и здоровы.

– Ну что ж в Анапу, так в Анапу, – весело оскалился прокуренными до черноты зубами Василий. – Коль удастся, на море посмотрю – пять лет за баранкой, почти всю Европу исколесил, а море или какой океан ни разу не видел, только озеро Балатон, да и то из кабины своей Татры...

Парочка вышла из-под арки выгоревшего до основания кирпичного дома на обезображенную до неузнаваемости проезжую часть, когда солнце уже клонилось к закату. Стальных остовов автомобилей уже не было, зато кругом валялись оплавленные и закопченные детали, изготовленные из цветных металлов, по всей видимости, не поддающихся столь быстрой коррозии как железо и его сплавы. Спустя пару минут прямо у них на глазах произошло обрушение одной из высотных башен. Впрочем, строение находилось на изрядном удалении, и его гибель ни коим образом не угрожала жизни и здоровью молодых людей. На всякий случай товарищи вооружились кусками латунных труб, найденных ими среди остатков автомобильного хлама.

Москва повсюду горела, как горела два века назад во времена нашествия могучей армии Наполеона. Даже асфальт местами выгорел, местами стек по трубам ливневой канализации, обнажив щебенчатое основание дороги. Несмотря на то, что небо над столицей и ее окрестностями было затянуто непроницаемой дымкой, было отчетливо видно мрачное грибовидное облако, дамокловым мечом нависшее над северо-западной окраиной города в ожидании хотя бы какого-нибудь ветерка. Как только метеорологическая обстановка изменится, смертельно опасное облако начнет свое движение, чтобы в конце концов выпасть радиоактивным дождем на головы ничего не подозревающих людей и животных.

Несмотря на то, что еще совсем недавно проспект Вернадского представлял один огромный пожар, немногочисленные пока кучки испуганных людей уже устремились прочь

из города. Очень скоро начнется великий исход многомиллионного населения столицы, точнее тех, кому посчастливилось или, наоборот, не посчастливилось выжить после столь ужасных событий.

Когда над миром воцарилась ночь, Андрею и Василию удалось выйти за границу кольцевой автодороги. Не сговариваясь, они свернули в стоящую в стороне от Киевского шоссе березовую рощицу. Без лишних слов перекусили копченой колбасой, запив ее минеральной водой из пластиковой бутылки (кое-какие продукты им удалось прихватить по дороге в одном магазинчике, брошенном хозяевами и наполовину разграбленном посетителями) и завалились спать прямо на разогретую солнцем землю.

Василий тут же начал выводить носом замысловатые рулады. Андрей еще долго лежал с открытыми глазами, пялясь на тусклые из-за дыма пожаров звезды и беспокойно переворачиваясь с боку на бок. Он думал о жене, детях и о том, что очень правильно поступил, отправив их подальше от Москвы. Особенно он радовался тому факту, что самолет все-таки успел удачно приземлиться до начала катастрофы и не развалился в воздухе. Еще он мечтал о том счастливом мгновении, когда прижмет к сердцу свою красавицу Алену и двух малолетних балбесов Вована и Толяна...

* * *

Неожиданно Феллад вновь ощутил себя пространственным объемом, в котором были заключены две сферы: огромная оранжевая и совсем маленькая голубая. Юноша был шокирован и полностью деморализован увиденным, ему очень хотелось тут же начать задавать вопросы, но, поскольку в данный момент он был всего лишь посредником, обеспечивающим встречу на высшем уровне, возможности что-либо спросить у него не было. Тем временем диалог между Деревьями и Мудрым Квакхом перешел в иную стадию.

– Как тебе удалось получить эту запись? – уважительно спросил озерного жителя Древ.

– Долго объяснять, коллега. В двух словах, мне удалось разработать методику темпоральных погружений в единое информационное поле. Сложнее всего оказалось вычленить, идентифицировать и расшифровать отпечаток психоматрицы человека, по имени Андрей Смирнов. Мне несказанно повезло, это был один из немногих, кому во время катастрофы удалось сохранить контроль над своим рассудком. Большинство психоматриц его соплеменников настолько размазаны, что все попытки использовать их для получения объективной информации не дали положительных результатов. Однако, уважаемый Древ, я продемонстрировал этот кусочек вовсе не ради хвастовства собственными успехами. События, произошедшие более восьми тысячелетий назад, могли бы иметь для нас исключительно познавательную ценность, если бы не одно обстоятельство... – Квакх выдержал драматическую паузу, затем вновь заговорил: – Сопоставив между собой полученные результаты, я пришел к выводу, что скоро, очень скоро над нашим миром нависнет весьма страшная угроза, не менее, а может быть, даже более серьезная, чем в те далекие времена. Но самое главное, источник грядущей опасности напрямую связан с тем, что случилось на Земле восемьдесят веков назад. – Огорошил слушателей хозяин Мутного озера и без дополнительных уговоров принялся объяснять Древу принципы своей методологии создания точных прогнозов на основании сравнительной корреляции случайных взаимозависимых событий.

На этом этапе переговоров беседа Древа и Квакха перешла в область абстрактно-умозрительных построений и для Феллада потеряла всякий смысл. Какое-то время шары увлеченно обменивались многоэтажными формулами, рисуя прямо в воздухе математические символы. При этом они по очереди комментировали свои каракули столь мудреными терминами, о значении которых Феллад мог лишь догадываться, несмотря на то, что совсем недавно сдал экзамен по базовому курсу высшей математики и абстрактной физики и знания

эти еще не успели выветриться из его головы. То, что в данный момент обсуждали Древ и Квакх, на самом деле не имело прямого отношения ни к высшей математике, ни к современной физике, скорее это был диалог двух философов, пытающихся сформулировать какие-то свои выводы общедоступным языком математических символов. От немислимого умственного напряжения оранжевый шар сознания Деревьев распух до такой степени, что посреднику пришлось здорово поднапрячься, чтобы раздвинуть границы контролируемого им объема. Это свидетельствовало о том, что к заумной беседе с Квакхом подключались все новые и новые ячейки коллективного разума. В свою очередь интенсивность свечения ментальной сферы лягуха достигла своего апогея. Феллад начал уже побаиваться, что две сферы ненароком соприкоснутся. К чему способен привести подобный контакт, можно лишь гадать, но у Феллада откуда-то появились веские основания для серьезных опасений.

К счастью беспокойство юноши оказалось напрасным. В какой-то момент все вернулось на круги своя: сознание Квакха перестало сиять как раскаленный до внутризвездных температур плазменный шар, а виртуальный образ коллективного разума Деревьев значительно потерял в объеме. Теперь у Феллада отпала необходимость с прежним усердием следить за тем, чтобы кто-либо из собеседников ненароком не выпал из контролируемого его сознанием пространства, и он вновь прислушался к разговору своих подопечных.

– Значит, у нас в запасе от пяти до десяти лет. – Закончив свои математические упражнения, задумчиво пробормотал оранжевый шар.

– Совершенно верно, – в тон ему ответил Квакх, – максимум – десять, минимум – пять.

– Даже если в нашем запасе окажется не пять, а десять лет, это ничего не меняет – все равно этого срока катастрофически недостаточно. Мы не успеем подготовиться...

– В таком случае прошу тебя, Древ, взглянуть вот на этот корреляционный график! – Громко воскликнул лягух, как Фелладу показалось с долей нескрываемого ехидства. Сразу после этих слов в воздухе появилось изображение предлагаемого к рассмотрению доказательства.

Однако коллективный разум Деревьев совершенно не отреагировал на непочтительную реплику самонадеянного озерного анахорета. Оранжевый и голубой шары приблизились друг к другу на критическое расстояние и вновь перешли на свой «птичий язык», иными словами, начали в буквальном смысле извергать из себя искрометные формулы, светящиеся графики, пылающие самым немислимым разноцветьем диаграммы, сопровождая все это мудренными формулировками.

Наконец конструктивный диалог между шарами подошел к концу, после чего окончательно уменьшившийся в размерах Древ обратился к Квакху:

– Из твоих расчетов получается, что ставку необходимо делать всего на одного человека.

– Совершенно верно, уважаемый Древ. Если ты не согласен, давай еще раз все проверим.

На что оранжевый шар немедленно ответил с нескрываемой симпатией в голосе:

– Вовсе ни к чему снова перепроверять твои расчеты, они безупречны. Дело в том, что мне, как существу коллективному, трудно свыкнуться с мыслью, что всего лишь один слабый человек способен взять под контроль ситуацию и спасти этот мир от надвигающейся угрозы. Однако с цифрами и формулами не поспоришь.

– Вот и славно. Программа подготовки Спасителя нами разработана. Объект полностью в твоём распоряжении и готов к дальнейшему курсу обучения. Поскольку этот человек весьма эмоционален, постарайся избавить его от излишних переживаний – прогнозируемые точки критических событий на графике за номером пятьсот тридцать семь. Засим разреши откланяться.

* * *

К Мутному озеру друзья вернулись уже под вечер, поскольку диалог между Квакхом и Деревьями начался в два часа пополудни и занял более четырех часов. Устроившись на одном из прибрежных камней, приятели решили немного перекусить, Феллад – парочкой плодов, сорванных с одного из Деревьев, а Квакх – огромной безглазой рыбиной, которую весьма ловко извлек из мутных вод своего родного озера.

– Значит ты не такой уж бессмертный, как о тебе говорят. – Отряхивая ладони от налипших на них кусочков мякоти, констатировал юноша.

– Получается так. – Возвращая аккуратно обглоданный остов рыбины обратно в воду, мысленно ответил Квакх. – Но лет пятьсот до момента передачи знаний преемнику мне все-таки удастся протянуть.

– Вот оно как! – удивленно воскликнул Феллад. – Значит ты долгожитель как Деревья. А сколько же тебе сейчас?

– Всего-то сто двадцать – сущий пустячок для разумных лягухов.

Затем человек вопросительно посмотрел на зеленокожего приятеля и как бы исподволь спросил:

– Скажи, Квакх, какая опасность угрожает всем нам, и что ты думаешь о Деревьях после беседы с ними?

Перед тем, как сформулировать ментальный посыл, хозяин Мутного озера немного помолчал, будто анализировал и систематизировал свои впечатления, полученные во время общения с коллективным интеллектом разумных Деревьев.

– Видишь ли, Фелл, сегодня я наконец-таки осознал кое-что, доселе непостижимое для моего понимания. Раньше я никак не мог принять истину о том, что носителем высокоорганизованного интеллекта может быть не только отдельный представитель племени разумных существ. По своей сути Деревья – суть такое же одинокое создание, каким являюсь я. В этом отношении мы с ним родственные души. Я очень сожалею о том, что раньше не вступил в контакт с этим милым существом...

– Милым существом?! – Удивленно воскликнул Феллад. – Значит, ты больше не считаешь, что Деревья представляют угрозу для моих соплеменников?

– Чему ты так удивляешься? – Квакх сопроводил свой ответ мыслеобразом, означавшим крайнюю степень недовольства неуважительным тоном собеседника. – На то и существуют убеждения, чтобы их менять. Сегодня утром я считал Деревья существами, потенциально опасными, поскольку был уверен в том, что люди полностью зависимы от их доброй или злой воли. В процессе общения с коллективным разумом ваших древесных братьев я понял, что существует некая жесткая симбиотическая связь, обуславливающая взаимное процветание двух ваших видов. Если ее каким-то образом разрушить, в первую очередь пострадают не люди, а Деревья, ибо они, несмотря на все свое могущество, есть всего лишь средство, для ускорения продвижения человечества вверх по эволюционной лестнице. – Лягух замолчал, внимательно посмотрел на откровенно-озадаченную физиономию Феллада и, совсем по-человечески кивнув своей малоповоротливой головой, еще раз подтверждая собственные выводы. – Да, да, молодой человек, именно средством или инструментом, коим до того как появились деревья, были наука и техника.

Те-ех-ни-и-ка-а, – со смаком растягивая звуки, будто пробовал незнакомое слово на вкус, произнес юноша. – Что за зверь? Никогда о таком не слыхивал. Наука – штука понятная, техника – нет.

– Бестолковое млекопитающее! – оскалился в саркастической усмешке Квакх. – Не далее как четыре часа назад в твое сознание была внедрена психоматрица жителя Земли

эпохи научно-технического прогресса. Ты прожил частицу его жизни и не вынес для себя ничего полезного!

Хозяин Мутного озера тут же попытался отвесить «бестолковому млекопитающему» увесистую ментальную оплеуху. Но не тут-то было. Зная коварные повадки друга, Феллад успел установить на пути предназначавшегося ему энергетического сгустка некое подобие зеркала, к тому же ему удалось добавить к отраженному психосоматическому послылу изрядную толику собственной энергии. Ментальная затрещина в несколько усовершенствованном виде вернулась обратно к своему создателю и угодила тому прямо промеж глаз. Разумного лягуха буквально смело с насиженного камня, а когда его голова-тыква вновь появилась в поле зрения Феллада, молодой человек с нескрываемым удовлетворением отметил, что глаза Квакха собраны в кучку и адекватно воспринимать реальность его приятель пока еще не в состоянии.

Горе-воспитатель взгромоздился на камушек и минут пять сидел молча, обхватив передними конечностями голову. Феллад прекрасно знал, каково в данный момент приходится бедолаге, поскольку за время знакомства с коварным обитателем водных глубин получал подобные оплеухи не один раз. Он даже хотел сказать лягуху что-нибудь успокаивающе-утешительное, но, испугавшись, что тот расценит его искреннюю заботу как неприкрытое издевательство и откровенное фарисейство, промолчал и стал дожидаться, когда тот окончательно придет в себя.

Наконец Квакх немного оклемался. Массируя своими четырехпалыми лапами необъятное вместилище своего разума, он с уважением произнес:

– Впервые тебе удалось оказать своему учителю достойный отпор. Еще немного и из тебя... Короче, так держать!

Феллад вовсе не ожидал подобной реакции от своего пострадавшего приятеля. Юноша разинул от удивления рот и как-то невпопад промямлил:

– Лягух, что ты там говорил по поводу научно-технического прогресса? – И, немного успокоившись, добавил: – Впредь, вместо того, чтобы посылать подлые подзатыльники, потрудись для начала доходчиво растолковать, что ты собираешься сообщить собеседнику.

– Да брось ты обижаться Фелл! – Примирительно махнул лапой лягух. – Насчет этого самого научно-технического прогресса я и сам ничего толком не знаю. Могу догадываться, что в результате прогресса люди научились перемещаться в пространстве с помощью приспособлений, называемых автомобилями, строить каменные пещеры для различных нужд и дышать отравленным воздухом...

– Еще они могли летать как птицы и переговариваться, находясь на изрядном удалении друг от друга, – добавил Феллад и неожиданно констатировал: – Потом случилось нечто, в результате чего человечество Земли утратило весь свой научно-технический прогресс.

– Глупый человек, – проворчал Квакх. – Прогресс невозможно утратить, это не красивый камушек, найденный на берегу. Но в принципе, ты мыслишь в правильном направлении. Человечество не только утратило способность развивать науку и технику, оно потеряло контроль над всем, чего достигло ранее, в результате едва не деградировало до животного состояния. Скажу тебе по секрету о том, чего не знает никто из твоих соплеменников: аномальные зоны – дело рук предков современных людей. Да, да, вырвавшиеся на волю могучие силы, контролируемые ими, едва не уничтожили жизнь на всей планете и загадили ее до такой степени, что последствия воздействия этих сил в некоторых районах ощущаются до сих пор.

Не может быть! – громко воскликнул юноша, да так, что гревшиеся на нежарком вечернем солнышке квакушки от греха подальше дружно попрыгали в воду. – Какие-то сказки ты мне рассказываешь. Чтобы в слабых руках людей оказалось нечто, способное уничтожить

жизнь на целой планете?.. Извини, Квакх, сидя безвылазно в своем мутном озере, ты впал в полнейший маразм. Ты хотя бы представляешь, что такое земной шар?

– Недалекий, самонадеянный человек, Неужели ты считаешь, что Мудрый Квакх, разработавший метод темпоральной регрессии, не воспользовался в полной мере результатами своих исследований для того, чтобы не поинтересоваться тем, что происходило тысячелетия назад. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но твои безумные предки заготовили массу всякой всячины для того, чтобы весьма эффективно уничтожать друг друга. Представь, у них были такие штуки, которые они называли термоядерными боеголовками. Ну так вот, когда эти боеголовки взрывались наподобие перезрелого чокнутого гриба, вместо спор выделялось огромное количество огня, настолько огромное, что могло бы в мгновение ока выжечь лес подчистую километров на пятьдесят вокруг, а может быть, и больше или превратить всю воду Мутного озера в одно большое облако пара. И таких штук у них были тысячи. Мало того, твои древние соплеменники постоянно дрались между собой за еду и еще за какие-то ресурсы...

– Ну уж это ты заливаешь! – Весело расхохотался Феллад. – Зачем драться за еду, если этой самой еды на Деревьях бери – не хочу...

Вместо того, чтобы рассердиться на скудоумие оппонента, Квакх разинул пасть и начал издавать нечто похожее на смех.

– Вот она узость мышления примитивного индивидуума, не видящего ничего дальше своего носа. Во время моего разговора с Древом ты довольно долгое время пребывал в образе жителя Земли той эпохи. И где ж ты там видел хотя бы одно Дерево? Обыкновенные деревья: ели, березы, липы, дубы, кусты разные там произрастали. Не сказать, что их было так уж много, но все-таки... Однако ни одного Древа ты там не мог видеть, поскольку этот вид разумных существ возник лишь после катастрофы. Я даже подозреваю, что появление деревьев – прямое следствие все того же ужасного катаклизма, ставшего причиной крушения технологической цивилизации твоих далеких предков.

– Скажи еще, что ты сам – незапланированный результат этой катастрофы, – обидевшись на «примитивного индивидуума» пробурчал Феллад.

– Абсолютно в самое яблочко, Фелл, если бы не катастрофа, Мудрого Квакха никогда бы не было на белом свете. Впрочем, как и самого Мутного озера. Видишь ли, мальчик, на этом месте раньше было то, что древние называли ядерным энергоблоком. Когда первый лягух появился здесь, озеро было малопривлекательным для обитания местечком. Моим предкам пришлось его основательно почистить от весьма вредной эманации или радиации, как ее именовали люди эпохи научно-технического прогресса, а также всякой неприятной и очень опасной живности. Временами лапы опускались от усталости, но я все-таки сделал это, а заодно позаботился о сухопутных монстрах, обитавших в те времена на берегах моего озера. Благодаря чему, твоим предкам и Деревьям было намного проще обживать эти места. Как сейчас помню грязных испуганных людишек, снующих повсюду с зелеными саженцами в руках...

– А вот и врешь! – Звонко хлопая в ладоши, весело и громко заорал Феллад. – Сам сказал, что тебя тогда еще не было. Как же ты мог видеть моих предков, пришедших на берега Мутного озера.

– Правильно, говорил. Меня действительно тогда еще не существовало. Однако здесь обитал другой лягух, вручивший своему отпрыску перед уходом из жизни все свои воспоминания, а тот, в свою очередь, передал информацию в полном объеме следующему потомку, и в конечном итоге она оказалась у твоего покорного слуги. Родовая память, передаваемая по наследству, вот как это называется, глупый человек! Но даже если ты поймешь, что это такое, ты не сможешь в полной мере оценить все преимущества этого способа передачи накопленных знаний, поскольку все события, прожитые моими предшественниками, явля-

ются неотъемлемой частью моих собственных воспоминаний, будто все это случилось со мной, а не с кем-то другим.

– Классно, – с нескрываемой завистью сказал Феллад. – Мне бы так – не терял бы кучу драгоценного времени на обучение, а подошел бы к хранителю знаний и попросил его перекачать все необходимое прямо в мою голову.

Еще бы, – подтвердил лягух и хвастливо заявил: – Считаю, столько жизней прожил, сколько у тебя было предков. Я, например, пятнадцатая генерация разумных лягухов, и многое могу порассказать о каждом прожитом дне любого из четырнадцати моих предшественников, ибо, также как и все они, обладаю абсолютной памятью.

– И как же вам – лягухам это удается?

– Долго объяснять, да и ни к чему тебе это знать, поскольку внедрить все мои знания в твою голову я не в состоянии. Между нами существуют непреодолимые барьеры психофизиологического свойства. Хотя это было бы очень даже заманчиво, ибо, обладай ты моими знаниями и жизненным опытом, может быть, предстоящая миссия не была бы для тебя столь тяжелой, как это предрекают результаты прогностических вычислений.

– Э... лягух! – Воскликнул Феллад, удивленно посмотрев на своего товарища. – О какой это предстоящей миссии ты только что упомянул?

– А ты чем смотрел и чем слушал во время нашей беседы с Древом? – Вопросом на вопрос ответил Квакх.

– Смотрел глазами, а слушал ушами, – с нескрываемой издевкой в голосе ответил юноша.

– То-то заметно, что ничего не понял.

– А как тут что-нибудь понять, если вы разговаривали на каком-то тарабарском языке: «интрузия макро и микро динамических флуктуаций», «темпоральный коллапс локального домена», «квазистационарные системы» и прочая белиберда, от которой у любого нормального человека все в голове тут же становится набекрень. Кстати, Квакх, я попросил, чтобы ты мне нормальным человеческим языком объяснил суть твоего разговора с Деревьями и рассказал, что за опасность угрожает нашему миру, а ты мне своей родовой памятью все мозги запудрил.

– Неблагодарный демагог! – Только и смог сказать обескураженный владыка Мутного озера. – Мозги, видите ли, ему запудрили. А кто первым начал приставать к уважаемому лягуху со всякими глупыми вопросами, которые обычно задают лишь малолетние человеческие детеныши? Твое счастье, что именно тебе повезло стать будущим Спасителем, в противном случае ты бы навеки забыл дорогу к Мутному озеру. Однако могу сообщить, что в следующий раз тебе суждено в эти места попасть еще не скоро, если вообще суждено. Уже завтра под руководством своих наставников Деревьев ты двинешься по тернистой извилистой тропе, которая либо выведет тебя к сияющим вершинам знаний, либо низвергнет в пучину небытия, а вместе с тобой весь этот мир.

– Я – Спаситель?! – Феллад ошалело посмотрел на своего друга. – Конечно же, я не забыл о том, как вы с Древом упоминали какого-то Спасителя, но мне показалось, что ко мне это не имеет никакого отношения. К тому же мне неизвестен характер и степень грядущей опасности. А вдруг я не справлюсь? Может быть, вы поищите другую кандидатуру – более достойную, а я как-нибудь на вторых ролях: оружие подержать или еще какую услугу герою оказать.

– Вот она вопиющая непоследовательность, свойственная человеческому роду. Утром мы мечтаем стать великим пластуном, чтобы отвоевывать жизненное пространство для людей и Деревьев, а вечером у нас ножки трясутся при одном упоминании о предстоящих трудностях.

– И вовсе я не испугался никаких трудностей, – обиженно пробормотал Феллад.

– Конечно, трудностей ты не боишься, ты испугался ответственности. Нет, милый друг, зря, что ли Мудрый Квакх столько лет терпел рядом с собой столь своенравного олуха, выявляя скрытые в нем таланты и оттачивая его способности, которые без вмешательства лягуха так бы и остались в латентном состоянии? – При этих словах физиономия хозяина Мутного озера покрылась светло-серыми пятнами, что свидетельствовало о крайней степени его возмущения малодушным поведением юноши. Он вскочил с камня и потешно запрыгал на месте. – Не позволю! Ишь ты – «оружие подержать»! Дубина стоеросовая – вот ты кто. Пятнадцать лет моих трудов в одночасье засунуть козе под хвост? Еще раз повторяю: не позволю!..

– Кончай выкобениваться, как плаксивая девица во время первых менструаций! – Чтобы успокоить товарища Фелладу пришлось гаркнуть что есть мочи. – Никто и не собирается отказываться. Я выразил кое-какие сомнения, а ты поднял такой хай, будто тебя хотят навеки изгнать из твоего Мутного озера или лишит какого жизненно важного органа. Давай-ка лучше рассказывай, что за опасность угрожает всем нам, и какова моя роль в устранении нависшей угрозы?

Вот это по-нашему! – мгновенно успокоился Квакх и от избытка чувств продемонстрировал присутствующим свою усеянную острыми зубами пасть во всей ее красе, отчего успокоившиеся было и поковылявшие на берег лягушки вновь дружно посыпались в воду. – Я знал, что ты меня не подведешь, мой мальчик!.. – Затем, немного помолчав, продолжил: – Что касается грядущей опасности, ничего конкретного сообщить не могу. Мне известно лишь то, что она каким то образом связана с теми событиями, свидетелем которых ты стал во время моего общения с Деревьями. С тех пор, как двадцать лет назад мне удалось впервые произвести ментальное сканирование прошлого, я многое узнал о жизни на той Земле, но никаких намеков на обстоятельства, едва не приведшие человеческий род к полному вымиранию, обнаружить так и не смог. Откровенно говоря, даже весьма продуктивное общение с Деревьями нисколько не прояснило ситуацию. Однако, анализируя векторы роста напряженности информационного поля, можно сделать вывод о том, что на нашу планету вновь надвигается угроза по своей природе идентичная той, которая обрушилась на нее более восьми тысячелетий тому назад. Точность моего метода позволяет с уверенностью утверждать, что через пять, максимум десять лет на Земле может начаться настоящий Армагеддон – древнее пророчество, о котором мне поведал все тот же лохматый чудак, рассказавший про Далилу и Самсона. Суть его в том, что когда-нибудь в наш мир явится некий Зверь – страшное порождение Тьмы, и все силы Света будут призваны для борьбы с этим исчадием Ада. Поэтому, если мы не в состоянии предотвратить приход Зверя, мы должны хотя бы попытаться уничтожить его желательной малой кровью. А для этого мы обязаны противопоставить этому Зверю существо, намного превосходящее его по своим возможностям. К сожалению, мы можем лишь предполагать, какими силами будет способно управлять то, что должно вскоре явиться в этот мир, поэтому за оставшийся срок ты обязан приложить максимум усилий, чтобы успешно противостоять всякому мыслимому и даже немыслимому противнику. Иными словами ты должен стать нашим Спасителем, а для этого, мной и Деревьями была разработана программа твоей подготовки, которую тебе еще предстоит пройти...

– Программа подготовки? – вопросительно пролепетал Феллад.

– Именно программа подготовки. И пусть тебя это ничуть не пугает – Мудрый Квакх вот уже полтора десятилетия занимается твоим индивидуальным воспитанием и готов заявить, без всякой ложной скромности, что во многом преуспел.

– Кто преуспел? – Феллад недоуменно завертел головой, будто рассчитывал обнаружить еще кого-нибудь рядом с их парочкой.

– Чего смотришь по сторонам? – весело спросил хозяин озера. – Оба мы преуспели: ты – как талантливый ученик, я – как гениальный учитель...

Феллада немного покоробила хвастливая манера собеседника, но он промолчал, боясь спровоцировать друга на очередную демонстрацию оскорбленных чувств.

– ...да, да именно гениальный учитель, – продолжал упиваться собственными речами Квакх, – поскольку своевременно сумел рассмотреть в одном из чудосочных человеческих детенышей задатки великого воина.

– Значит, ты не просто так стал моим другом? – спросил Феллад и обиженно насупил.

– А ты как думал? Конечно же, не просто так. – Плотноядно ухмыльнулся Квакх. – Сначала я искал достойную кандидатуру на роль своего ученика и будущего Спасителя, а когда нашел, мне пришлось долго привыкать к твоим непредсказуемым выходкам, и лишь по прошествии довольно долгого отрезка времени, ты стал мне настоящим другом. Сегодня, мой мальчик, последний день твоего обучения под руководством Квакха. Отныне я не в состоянии научить тебя еще чему-либо и это наглядно доказала та оплеуха, которую ты так успешно вернул мне обратно. С завтрашнего дня твоей подготовкой займутся Деревья. Надеюсь, что к означенному сроку им удастся сделать из тебя непобедимого воина и настоящего пластуна, о чем, собственно, ты и мечтал с самого раннего детства. Мой тебе совет – почаще обращай к своим экстрасенсорным способностям, поскольку чует мое сердце, острый лист, ядовитые шипы и прочие штучки-дрючки из традиционного арсенала пластуна окажутся бесполезными против грядущего Зверя. А теперь отправляйся домой и не поминай лихом своего друга Квакха. Когда-нибудь, может быть, свидимся, но что-то мне подсказывает, в самом скором времени нашей встрече состояться не суждено, поскольку уже завтра ты окажешься весь в делах по самую макушку, и тебе будет не до ностальгических воспоминаний о каком-то анахорете, обитающем в глубинах Мутного озера.

– Ну что ты, Квакх, так разнюнился. – Поспешил успокоить приятеля Феллад. – Деревья в считанные мгновения способны доставить меня на берега Мутного озера из любой даже самой дальней точки Земли, поэтому боюсь, что тебе не придется очень уж долго скучать.

– Ошибаешься, Фелл. Во-первых, в твоём распоряжении вряд ли будет столько свободного времени, чтобы тратить его на пустые разговоры с другом, а во-вторых, мне и самому необходимо на пару-тройку лет залечь в какую-нибудь уютную пещерку на дне моего озера и заняться медитативными экзерсисами – глядь, что-то полезное для общего дела удастся нарыть, прощупывая каналы вселенского информационного поля.

– Но... – Феллад хотел что-то возразить, однако лягух не позволил ему сделать этого.

– Никаких «но»! Бегом в деревню! Когда ты мне понадобишься, я найду способ известить тебя об этом, а пока прощай.

С этими словами единственный представитель разумных лягухов поднялся со своего места и, не попрощавшись с Фелладом, неуклюже засеменял в направлении водной глади своими малоприспособленными для ходьбы по суше нижними конечностями. Едва коснувшийся горизонта солнечный диск окрасил поверхность Мутного озера в неестественно алый цвет. Юноше на мгновение показалось, что его товарищ сейчас войдет не в обычный водоем, а в некий нереальный бассейн, целиком заполненный самой настоящей кровью. Зайдя по колено в озеро, Квакх тут же принял горизонтальное положение и легко заскользил по его поверхности. Еще через какое-то мгновение похожая на приплюснутую тыкву голова целиком скрылась в алых глубинах Мутного озера.

* * *

Когда Феллад, выйдя из порталных врат, появился на опушке своей клановой роши, над миром развернула свои звездные крылья душная тропическая ночь. Однако для жителей Урочища Единорога, впрочем, как и для любого другого поселения людей именно вечер

был тем временем суток, когда можно встретиться с родственниками и друзьями, поболтать по душам, обсудить насущные проблемы, сыграть партию в нарды, шашлы или какую другую игру, пропустить стаканчик-другой легкого вина или сладкого сока, продемонстрировать соплеменникам свои таланты или посетить зал коллективного просмотра аудиовизуальных программ. Поскольку до официального времени сна было еще довольно далеко, все деревья в пределах деревни были увешаны ярко пылающими плодами-светляками. Около каждого родового дерева сидели группы людей, о чем-то беседующих. У многих в руках были сосуды с напитками, кое-кто перекусывал, на ночь глядя. Неженатая молодежь, как водится, разбившись на парочки, искала местечки поукромнее и потемнее, поэтому до слуха Феллада из самых неожиданных уголков то и дело доносились тихие перешептывания влюбленных и звуки страстных поцелуев. Юноша тут же вспомнил неугомонную Зильду и свое опрометчивое обещание посвятить подруге весь сегодняшний день, которое он с такой легкостью нарушил, удрав с утра пораньше на встречу с Мудрым Квакхом. Зная вспыльчивый характер Зильды, он решил пробираться к своему обиталищу не по центральной ярко освещенной аллее, а обходными маршрутами – главное сегодня не встретиться с обиженной девочкой, а завтра, после того, как гнев ее немного поутихнет, можно будет приступить к конструктивному диалогу.

Однако не тут-то было. Девица появилась перед Фелладом будто материализовалась прямо из воздуха как раз в тот момент, когда до спасительного родового Дерева оставалось всего-то несколько шагов. Несмотря на весьма юный возраст это была стройная красавица с осиной талией и весьма развитым бюстом. Правильные черты лица в сочетании с длинной русой косой и лебединой шеей делали ее не просто красивой, а убийственно красивой. Недаром в свое время Фелладу пришлось потратить массу времени и сил, чтобы отвести от нее других ухажеров. Девушка просто лучилась счастьем при виде своего суженого, точнее того, кого она самочинно, не поинтересовавшись желанием другой стороны, записала себе в женихи. В принципе, Феллад вовсе не был против того, чтобы когда-нибудь стать женатым мужчиной – рано или поздно эта участь ждет каждого. До сегодняшнего дня он даже был согласен принять хитроумный план напролом рвущейся во взрослую жизнь девицы, направленный на то, чтобы как можно быстрее стать ее легитимным супругом. Дело в том, что по закону люди имели право вступать в супружеские отношения только по достижении восемнадцатилетнего возраста, а девушке едва-едва исполнилось шестнадцать. Поэтому в ее не по годам мудрой головке созрел блистательный замысел сковать Феллада узами Гименея раньше положенного срока старинным способом, который еще до эпохи сотрудничества людей и разумных деревьев назывался забавным словом «залет». Девице стоило большого труда уломать суженого пойти на нарушение общепринятых законов, но дальше слов дело пока не продвинулось. Наступила пора сдачи экзаменов, и юноше стало не до хитроумных планов своей подруги, а после событий сегодняшнего дня он вдруг понял, что не имеет права тратить попусту время на тихие семейные радости и прочие пустяки. Нужно отметить, что это свое решение он воспринял с огромным облегчением, будто камень с души свалился. Только теперь он осознал, что, несмотря на свою любовь (а скорее – юношескую увлеченность), он несказанно рад появившейся возможности отказать Зильде под самым благовидным предлогом. Анализируя свои ощущения, он вдруг понял, что вовсе не желает всю оставшуюся жизнь проторчать в окрестностях Урочища Единорога, потакая желаниям супруги и воспитывая кучу горластых отпрысков. Поэтому, проявив поначалу определенное малодушие при встрече с подругой, мгновением позже он даже обрадовался тому, что разговор между ними состоится сейчас и его не придется откладывать на более поздний срок.

Итак, сияющая от радости Зильда появилась перед смущенным юношей. Однако вид обрадованной девицы еще ни о чем не говорил – Феллад прекрасно знал, что, скорее всего,

она изо всех сил старается удержать внутри себя эмоциональную бурю, дабы в точно рассчитанное время обрушить накопившуюся энергию на голову несчастного юноши.

– Привет, Фелл! – преувеличенно радостно воскликнула Зильда. – Ты где пропадал?

– Извини, Зи-Зи, – смутился юноша показному спокойствию подруги, – у меня неожиданно возникли неотложные дела.

– И что же это за дела такие?! – Терпения Зильды все-таки хватило ненадолго, и тональная окраска ее голоса постепенно начала приобретать явный оттенок недовольства, при этом ее красивое личико очень быстро стало серьезным, затем обиженно-сердитым. – Какие дела могут отменить свидание двух влюбленных, точнее без пяти минут мужа и жены? А может быть, у тебя кто-то появился в соседнем клане? Скажи, Фелл, кто эта стерва, и завтра я ей... – Зильда не успела озвучить, какие кары она обрушит на голову более удачливой соперницы, горло ее перехватило, вместо слов из ее перекошенного горем ротика начали вырываться громкие всхлипы, а из огромных синих глаз брызнули потоки горячих слез.

Как обычно бывало в таких случаях, у Феллада болезненно сжалось сердце, он хотел, было, подойти к девушке, обнять ее, чмокнуть в соленые вежды, подхватить на руки и ласково баюкать, как малое дитя. Однако он не стал этого делать, боясь того, что растает как кусок янтарной смолы на солнцепеке и не сможет объяснить девушке, что в их далеко идущие планы вмешались непредвиденные факторы и внесли в них определенные коррективы.

Зильда рыдала как маленькая, а Феллад стоял рядом дурак дураком не в силах открыть рот, чтобы хоть как-то ее успокоить. Наконец поток слез, а также громкость печальных всхлипов начали понемногу сходить на нет, и вскоре девица вовсе перестала плакать. Она удивленно вытаращила свои глазищи на Феллада, будто в немом вопросе: «Почему это ты вдруг торчишь столбом, а не торопишься, как обычно, успокоить свою маленькую Зи-Зи?».

– Прости, Зильда, но нам с тобой нужно кое о чем очень серьезно поговорить.

– Так я и знала! Кто эта дрянь?! – громко воскликнула девушка и приготовилась пролить очередной океан горьких слез.

Однако сему не суждено было случиться, поскольку звонкий смех юноши стал тем ушатом ледяной воды, который привел своенравную красавицу в чувства. Минут пять Феллад весело и заразительно ржал – вылитый самец единорога в брачный период. Все это время Зильда простояла, молча, устремив на своего друга удивленно-непонимающий взгляд. Наконец Фелладу удалось преодолеть приступы безудержного смеха и он, размазывая ладонями слезы веселья по щекам, спросил:

– Скажи мне, Зи-Зи, почему все женщины после того, как мужчины предлагают поговорить о чем-то серьезном, чаще всего вообразят невесть чего и, даже не выяснив сути дела, сразу же начинают лить слезы и искать во всем происки более удачливой соперницы?

– Потому что мы – существа легко ранимые и весьма эмоциональные. – Не задержала с ответом Зильда.

– Почему вы, прежде чем дать возможность высказаться мужчине, изрядно вымотаете ему все нервы и испортите настроение? – Будто не замечая реплики подруги, спокойным голосом спросил Феллад и, не дожидаясь ответа, тем же спокойным голосом продолжал: – Единственное, о чем я сейчас прошу тебя, закрой свой ротик и предоставь мне возможность высказаться, а потом, что хочешь, то и делай, хоть обкричись и оплачься.

– Еще чего! – гневно выкрикнула Зильда, на глазах у изумленного Феллада превращаясь в настоящую фурию. – Больно надо кричать и плакать! Сам рыдай, котоёж примитивный! Не дожدهшься моих слез! И вообще, гуляй в болото, крысоид вонючий!

Последняя фраза сильнее всего резанула слух юноши. Его не так оскорбило сравнение с крысоидом – мерзким и довольно опасным существом, обитающим в аномальных зонах планеты, что само по себе весьма обидно, но то, что его открытым текстом послали «гулять в болото», было верхом невоспитанности, поскольку эта фраза являлась самым оскорбитель-

ным ругательством. Что-нибудь определенное о происхождении этого обидного выражения сейчас уже вряд ли кто-либо из людей смог бы поведать, однако, послать кого-то гулять в болото, означает то, что в лице посланного пославший зарабатывает либо лютого врага, либо между двумя этими индивидуумами навсегда обрываются все связующие их нити. Ошибку еще можно было бы исправить, повинившись и попросив прощения, дабы сгладить негативное впечатление от ненароком оброненного оскорбительного слова. Однако гордая девица, продолжала гневно сверкать своими глазищами и вовсе не думала опускаться до каких-либо банальных извинений.

«Ну что ж, – подумал Феллад, – чему быть, того не миновать. Может быть, именно так оно и к лучшему – без излишних объяснений, слезливых уговоров, раз и навсегда, будто от сердца оторвала и выбросила куда подальше. И мне легче – не нужно ничего объяснять, доказывать».

Он окинул равнодушным взглядом свою бывшую невесту, которая в одночасье стала для него абсолютно пустым местом. Затем обошел ее как можно дальше, стараясь ненароком не коснуться ее тела и, опустив голову на грудь, молча побрел к своему жилому кокону.

– Ты еще об этом пожалеешь! – зло бросила вслед ему неугомонная девица. – На коленях передо мной ползать будешь, прощение вымаливать!

После того, как фигура Феллада исчезло в светящемся проеме его жилища, Зильда продолжала оглашать окрестности громкими и необоснованными выпадами в адрес своего несостоявшегося жениха, делая примирение между молодыми людьми абсолютно невозможным. Стервозная девица в течение довольно длительного срока перечисляла недостатки Феллада и все реальные и надуманные обиды, которые он ей причинил за все время их знакомства. Наконец она все-таки замолчала, из глаз ее брызнули горькие слезы. Девушка бегом бросилась по ярко освещенной улице. Добежав до группы молодых людей, столпившихся веселой стайкой у одного из родовых Деревьев, она молча выудила из толпы Лопоухого Заппу и, подхватив смущенного и разомлевшего от немыслимого счастья юношу, под ручку, повела его куда-то в темноту. При этом она все-таки не забывала оглядываться туда, откуда мог бы выскочить некто и весьма жестоко накостылять бедному Заппе. К ее великому огорчению этот некто вовсе не собирался отстаивать свое право на обладание ее совершенным телом, и девушка со свойственной всем особам женского пола практичностью решила для себя, что сегодня, так уж и быть, погуляет с этим Заппой, а завтра подыщет себе кого-нибудь поинтереснее. Плевать на этого задаваку Фелла. Еще пожалеет о том, чего потерял, но будет поздно.

Окончательно убедившись в том, что девушка успокоилась в объятиях другого, та часть коллективного интеллекта разумных деревьев, которая отвечала за выполнение долгосрочной программы по подготовке Спасителя, удовлетворенно хмыкнула, конечно же, выражаясь фигурально, ибо Деревьям эмоции совершенно неведомы. И тут же на виртуальном графике за номером пятьсот тридцать семь исчезла первая из множества точек, определяющих прогнозируемые критические события, которые могут хотя бы в малейшей степени угрожать их далеко идущим планам. Справедливости ради нужно отметить, что Деревья вовсе не подвергали психику Зильды какой-либо коррекции, они попросту освободили ее сознание от кое-каких условностей и позволили обнажиться некоторым тщательно скрываемым до поры до времени особенностям ее натуры. Именно тем особенностям, которые рано или поздно сделали бы ее совместную с Фелладом жизнь невыносимой.

* * *

Войдя в свое персональное жилище, иными словами – жилой кокон, Феллад скинул набедренную повязку и в расстроенных чувствах упал на постель, представлявшую собой

некую губчатую структуру растительного происхождения, весьма многофункциональную по своей сути, и, являющуюся неотъемлемой частью любого жилого кокона.

Сам кокон являет собой некое контролируемое коллективным древесным разумом пространство, полностью приспособленное для жизни отдельного человека, или многочисленного семейства. Для того чтобы оказаться внутри своего индивидуального жилого кокона вам достаточно всего лишь подойти к родовому Дереву и мысленно этого пожелать. Тут же перед вами возникнут врата телепорта, которые после того, как вы переступите порог, сразу же исчезнут. Оказавшись внутри, вы попадаете в просторное помещение, оборудованное всем необходимым для комфортного проживания даже самого прихотливого индивидуума. Существует целая область абстрактной математики, объясняющая, каким образом Деревья создают жилые коконы. Чтобы не спровоцировать приступы сильной головной боли, кои в быту принято называть мигренями, мы не будем вдаваться в дебри многовариантных логарифмических функций, частных решений дифференциальных уравнений пятой степени и прочей научной хрени-замудрени, описывающей локальные криволинейные пространственные структуры. Мы всего лишь примем на веру, что в одном дереве может с удобством и комфортом разместиться целый род, состоящий из десятков семей и отдельных индивидуумов. Причем, даже в том случае, если кто-то захочет включить посреди ночи музыку на всю громкость или хорошенько отвести душу грандиозной разборкой, соседи всего этого не услышат ни при каких обстоятельствах. Стандартный набор помещений каждого жилого кокона состоит из просторной гостиной, уютной спальни, туалетной и ванной комнат. Однако при желании владелец апартаментов может раздвинуть жизненное пространство и создать любое количество помещений. Это здорово выручает, когда у тебя какое-нибудь торжество. В этом случае отпадает необходимость составлять списки приглашенных с великой долей вероятности обидеть кого-либо отказом – зови всех подряд, места вполне хватит.

Кроме защиты от внешних неблагоприятных факторов дом является кормильцем своего владельца, его косметологом, парикмахером, а при необходимости домашним доктором. За долгие века симбиотического сосуществования Деревья досконально изучили анатомию человека, поэтому вполне могут оказывать людям любую медицинскую помощь, вплоть до регенерации утерянных конечностей, восстановления функций внутренних органов и полного омолаживания всего организма. Все это в комплексе позволило продлить срок человеческой жизни до двух, даже двух с половиной веков, причем вполне активной жизни, поскольку даже двухсотлетний старец при желании может выглядеть как тридцатипятилетний мужчина и не только выглядеть внешне, но ощущать себя таковым внутренне. Современное человечество напрочь забыло о том, что такое инфекционные заболевания или хвори, связанные с износом или полным отмиранием внутренних органов. Ушли прочь болезни генетического свойства, поскольку любые негативные отклонения в развитии будущего человека на уровне ДНК исправляются сразу же на стадии оплодотворенной яйцеклетки внутри организма будущей матери. Параллельно стоит немного упомянуть о еде. Она хоть и растительного происхождения, но содержит все необходимые человеку питательные вещества, к тому же весьма разнообразна по своему виду и вкусу. На случай, если у вас появилась насущная потребность «заморить червячка» где-нибудь в дороге, на каждом из Деревьев имеется множество самых разнообразных плодов, причем на одной ветви может произрастать несколько их видов.

В необъятной памяти планетарного компьютера, чем по своей сути является коллективный разум Деревьев, хранится масса полезной информации. Здесь имеются сведения научного характера; смоделированные самими людьми ради забавы виртуальные миры, в которые может с головой погрузиться любой желающий; программы развлекательного свойства: драматические, балетные, оперные постановки и еще много-много всякой всячины.

С помощью весьма разветвленной гиперпространственной коммуникационной системы, вы можете очень быстро попасть в любую точку Земли, при условии, что там произрастают разумные деревья или просто связаться с интересующим вас человеком посредством передачи аудиовизуальных или мыслеобразов...

Тем временем Феллад вышел из состояния, которое можно охарактеризовать как задумчиво-отрешенное. Юноша резко встряхнул головой, взгляд его сделался более осмысленным. Криво усмехнувшись, он негромко пробормотал:

– Отлично... не пришлось ничего объяснять и оправдываться.

Как реакция на его загадочную фразу в помещении раздался тихий приятный голос интеллектуальной системы жилища, которую Феллад по какой-то собственной прихоти окрестил Трифоном:

– Что ты имеешь в виду, Фелл?

– Да так... по большому счету ничего. Расстались мы сегодня с Зильдой... Вообще-то я и сам собирался, но получилось как-то не... – Феллад немного задумался, подбирая наиболее точное определение случившемуся. – Короче, не по-людски все произошло. Какая муха под хвост залетела этой сумасбродной девчонке? То «давай тайно поженимся», а сегодня «гуляй в болото». Кстати, Трифон, ты не знаешь часом, что такое болото? Неоднократно слышал это слово в ругательном контексте, а что оно обозначает на самом деле, как-то не удосужился поинтересоваться.

– Ничего страшного, Феллад, ты у нас, кажется, в пластуны собрался податься, попадешь в первую же аномальную зону и сразу узнаешь, что такое болото. Вообще-то болото – не самое худшее из того, что ты там встретишь. Это всего-навсего избыточно увлажненный участок земли, на котором происходит накопление растительных остатков, которые впоследствии превращаются в торф. Весьма опасное для прогулок местечко, скажу тебе, вполне можно сгнуть ни за понюшку табаку.

Интеллектуальная система всякого жилища была относительно автономной от гигантского супермозга Деревьев и, благодаря общению с владельцем жилья, обладала определенными индивидуальными особенностями характера. К примеру, Трифон бережно собирал и коллекционировал различные крылатые фразы, происхождение которых своими корнями уходит вглубь веков. Вот сейчас он вполне к месту применил старинное выражение, не имея хотя бы приблизительного представления о том, что такое «понюшка табаку» и для чего нужно было нюхать это весьма распространенное растение семейства пасленовых.

– Помнится в былые времена, – продолжал Трифон, – этих болот повсюду было видимо-невидимо – некуда корень пустить, но совместными усилиями деревьев и людей эти мерзкие места удалось осушить практически повсеместно, теперь корням раздолье, ничего не мешает расти.

– Слышь, Трифон, ты же имеешь доступ ко всей базе данных, накопленной Деревьями за тысячелетия, наверняка там хранится информация о том, при каких обстоятельствах произошла первая встреча людей и Деревьев. Давно хотел об этом потолковать с тобой, да все недосуг.

– Нет проблем, Фелл, во время сна я организую тебе сеанс гипнопедии, и ты все увидишь собственными глазами. А насчет Зильды, ты не переживай особенно, хоть я и не большой специалист в области взаимоотношений человеческих полов, но давно понял, что эта девица весьма мелкая и склочная особа, к тому же с комплексом завышенной самооценки.

– Ладно уж, – криво улыбнулся Феллад, – тоже мне, знаток человеческих душ...

– ... погоди Феллад, – прервал начатую мысль юноши смотритель дома. – К тебе гости. Впустить?

– Это кого еще на ночь глядя принесло? – Нарочито недовольным голосом поинтересовался Феллад. – Если Зильда, не впускай, нечего ей здесь делать, пусть сначала извинится за свои слова...

– По моим данным в настоящий момент девушка находится в обществе Лопоухого Заппы и не собирается устраивать тебе либо кому-то еще визитов вежливости. У двери твоего дома стоит твоя мама и настоятельно требует, чтобы ее пустили внутрь.

«Каким это ветром ее вдруг занесло в наши края?» – удивленно подумал Феллад, а вслух произнес:

– Открой, Трифон, пусть войдет. – При этих словах он подхватил с пола набедренную повязку и ловко опоясался ею свои чресла – не появляться же взрослому сыну перед собственной матушкой одетым в неглиже.

* * *

Поведение юноши однозначно свидетельствовало о том, что визит самого близкого для каждого человека существа – родной матери не вызвал у него бурю восторга или хотя бы какого-нибудь намека на радость. Дело в том, что после того, как Фелладу исполнилось семь лет, его любвеобильная мамочка оставила малолетнего сыночка на попечение родного папаши и скрылась в неизвестном направлении. Конечно же, «неизвестное направление» сказано больше для красного словца, ибо от бдительного ока Деревьев можно укрыться только на территории какой-либо аномальной зоны, однако среди людей вряд ли найдется столь отчаянный любитель поиграть в прятки. Виола по прозвищу Крапива, данному ей обитателями Урочища Единорога по причине вздорного и весьма склочного характера, попросту ушла жить в другой клан к другому мужчине.

Из школьных уроков, посвященных половому воспитанию подрастающего поколения, Фелладу было известно, что семейные отношения у людей протекают по вполне предсказуемому сценарию. Юноша и девушка создают устойчивую супружескую пару. По мере появления потомства, их брак только крепнет и прекращается с уходом из жизни кого-либо из супругов. Иногда семейные пары распадаются по причине полного или частичного несоответствия характеров, реже причиной ухода из семьи одного из супругов бывает другая любовь, и совсем редко попадают экзemplяры, готовые влюбляться в первого встречного или первую встречную по десять раз на дню и порхать от партнера к партнеру как бабочка от цветка к цветку.

Именно к последней категории людей принадлежала мать нашего героя. Прожив с отцом Феллада – Рыжим Дроком около восьми лет, Виола Крапива встретила очередной идеал и будто в бездонный омут с высокой скалы бросилась в объятия своей новой любви. Опозоренный на всю деревню Дрок некоторое время сильно переживал уход обожаемой супруги, а через месяц, передав отпрыска на попечение родной сестре, подался в пластуны. С тех пор он ни разу не появлялся в Урочище Единорога, как будто ни сына, ни родни для него вовсе не существует.

Что касается вертихвостки Виолы, она раз-два в год все-таки находила время посетить Урочище Единорога, обчмокать с ног до головы своего обожаемого сыночка и вновь растаять в воздухе, как ночная звезда в ярких лучах восходящего дневного светила.

У его родной тетушки Розалии и без него было забот полон рот: оболтус сын на два года старше Феллада, дочь на выданье и двое малолетних внучат от старшего сына. Поэтому, докучать племяннику моралью строгой и бранить за шалости, у нее не было особенно времени. Она лишь следила за тем, чтобы тот был своевременно накормлен, уложен в кроватку и добросовестно посещал занятия в школе. Все остальное время Феллад был предоставлен самому себе и мог заниматься чем угодно, если это «чем угодно» не угрожало жизням его и

другим сородичам. Впрочем, за безопасностью людей, а в особенности их чад неразумных внимательно следили братья-Деревья, поэтому юноша чувствовал себя в полной безопасности даже в отдаленной лесной глухомани, так как с самого юного возраста любил побродить по окрестностям.

Во время одной из таких прогулок ему посчастливилось повстречаться с разумным лягухом, который впоследствии стал его самым близким другом и учителем. Если быть точным, Мудрый Квакх стал для Феллада не просто другом и учителем, но кем-то неизмеримо большим, тем, кого когда-то называли гуру или сенсеями поскольку передал своему подопечному не просто знание, ибо как гласит старинная мудрость: «Есть деревья и Деревья, также как есть знание и Знание».

Вся вышеизложенная информация пронеслась в мозгу юноши со скоростью масс-переноса, обеспечиваемого системой гиперпространственных телепортов Деревьев. К моменту, когда в стене жилого кокона образовался темный дверной проем, и в комнату шагнула дама весьма импозантной наружности, Фелладу удалось побороть душевное замешательство, даже изобразить на лице некое подобие невозмутимого спокойствия, вполне убедительно, между прочим.

* * *

Виола Крапива была пятидесятидвухлетней дамой, но даже при самом тщательном изучении ее наружности, женщину вполне можно было бы принять за младшую сестренку Феллада. Именно сестру, поскольку чертами лица, а также цветом серо-голубых глаз юноша был здорово похож на свою мать, а по внешнему виду Виоле вряд ли можно было бы дать больше двадцати лет. Помимо приятной мордашки и очень выразительных глазниц матушка нашего героя обладала отменной фигурой. Все ее прелести были упакованы в нечто искрящееся и переливающееся, то ли платье, то ли некое подобие сари. Густые светло-русые волосы Виолы, перехваченные на затылке перламутровой заколкой, изготовленной искусным мастером из раковины какого-то моллюска, ниспадали тяжелым конским хвостом и едва не касались ее упругих ягодиц, делая в принципе невозможными резкие движения головой. Короче говоря, уважаемая матушка Феллада оставалась все такой же сногшибательной особой, какой она была двадцать три года назад, когда к глубокому огорчению всех здешних невест и неприкрытой зависти мужской части населения Урочища Единорога молодой красавец Дрок привел из какого-то отдаленного клана голубоглазую чаровницу.

Поначалу местные кумушки попытались затюкать Виолу, но не тут-то было, девица оказалась весьма остра на язычок и не давала спуску даже родной матушке своего супруга, не говоря о прочих злопыхательницах. К тому же она не стеснялась применять помимо словесных доводов более веские аргументы, отчего время от времени у какой-либо молодухи под глазом появлялся лиловый «фонарь» или, одержав сокрушительную победу в схватке с очередной обидчицей, Виола становилась обладательницей пряди ее волос. Благодаря своему несгибаемому характеру и завидному умению убеждать, в самом скором времени молодая супруга Рыжего Дрока стала неформальным лидером женской части населения деревни.

С самого начала семейная жизнь Дрока и Виолы пошла как-то наперекосяк. Муж обо-жал, а точнее боготворил свою благоверную и готов был выполнять любые ее капризы. Виола до поры до времени позволяла себя боготворить, все больше и больше разочаровываясь в Дроке. Даже рождение сына не спасло их союз от сокрушительного крушения. Прожив бок о бок с окончательно опостылевшим Дроком восемь лет, в один прекрасный момент Виола чмокнула Феллада в лобик и, оставив на попечение заботливого родителя, ушла к другому мужчине. Если бы муж в свое время проявил характер и не потакал каждому капризу своей супруги, вполне возможно, Дрок и Виола до сих пор жили вместе и были бы

счастливы, но случилось так, как случилось: Феллад при живых родителях остался сиротой, поскольку Рыжий Дрок не усидел дома и подался в пластуны. А Виола до сих пор продолжает искать свой идеал мужчины.

– Горе-то, какое у нас, мой мальчик! – с места в карьер запричитала Виола.

– Что случилось, мама? – принимая в объятия блудную мать, вежливо поинтересовался юноша. – Очередное крушение женских иллюзий? Это, которое же по счету?

– Не дерзи своей матери, противный мальчишка! – Вытирая носовым платочком не успевшие намокнуть глаза, с деланным пафосом воскликнула гостя, затем продолжила более спокойным голосом: – Этот Кайт оказался конченным эгоистом, а вся его родня – сборище сволочей и придурков. Короче ушла я от него...

– Поздравляю, мамочка! – излишне помпезно произнес Феллад.

Иронические нотки в его голосе не укрылись от чуткого материнского уха, и она разрыдалась на этот раз по-настоящему, повисла на шее сына, оглашая помещение громкими стенаниями и орошая грудь юноши потоком горячих слез.

– Горе-то, какое, сынок, твой отец Рыжий Дрок не вернулся из последнего похода в Дикий Лес! Сгинул твой папенька в жаркой Афре!..

Фелладу с трудом удалось освободиться от весьма цепких объятий мамочки. Он бережно усадил женщину в мягкое кресло, материализованное по его требованию заботливым Трифоном, а сам уселся на другое, точно такое же и, указав рукой на появившийся вместе с креслами столик, уставленный стандартным набором напитков, спросил:

– Что-нибудь выпьешь?

– Глоток... золотистой... амброзии, если можно, – постепенно справляясь с безудержными всхлипами, ответила Виола.

Тут же ее бокал был до краев наполнен пенной жидкостью и подан прямо в руки даме. Феллада жажда не мучила, но за компанию он плеснул себе немного тонизирующего напитка. Затем осторожно, чтобы не вызвать очередную эмоциональную бурю в душе впечатлительной женщины спросил:

– Когда это случилось?

– Группа пластунов вернулась в базовый лагерь час назад, через четверть часа мне уже сообщили о...

Виола замолчала, готовясь вновь разразиться потоком слез или того хуже – впасть в истерику, но Феллад оказался начеку.

– Успокойся, мама, слезами горю не поможешь. Может быть, отец еще вернется. Мало ли по какой причине он мог отстать. Бывало, люди, отбившись от основной группы, неделями в одиночку выживали в зонах отторжения и не только выживали, но, в конце концов, вполне успешно добирались до лагеря. Кстати, – Феллад обратился к своему домоправителю, – Трифон, почему мне не доложили своевременно о том, что случилось с моим отцом?

– Виноват, Фелл, мне об этом стало известно чуть больше часа назад, однако староста Харт запретил доводить ее до твоего сведения, чтобы ненароком не нанести психологической травмы. Завтра утром при личной встрече он собирался все тебе рассказать сам.

– Доброхоты хреновы, – негромко пробормотал юноша и присосался к бокалу с тоником.

На некоторое время в комнате воцарилась гробовая тишина, изредка нарушаемая женскими всхлипами. Виола пыталась насквозь промокшим платочком осушить безудержный фонтан, бьющий из ее глаз. Феллад так и замер с ополовиненным бокалом в руках, пытаясь проанализировать свои ощущения.

С одной стороны, своего отца он почти не помнил и имел представление о том, как тот выглядит, лишь из семейного аудиовизуального архива. Поэтому в настоящее время он не испытывал особенно теплых чувств к этому по сути чужому мужчине, впрочем, также как и

к своей мамочке. С другой стороны, печальное известие разбередило душу юноши, воскресило в его памяти воспоминания о большом и сильном человеке с пышной копной рыжих волос на голове. Почему-то именно рыжая шевелюра отца и его веселая улыбка возникли явственно перед внутренним взором Феллада, все остальные детали лица были какими-то размазанными, будто внутренний художник, скрывающийся в подсознании юноши, едва начав, бросил работу над портретом. Однако и этой доброй улыбки в обрамлении золотистого ореола кудрявых волос вполне хватило, чтобы поднять из глубины его души давно забытое чувство светлой радости и абсолютной защищенности. Когда-то, находясь рядом с этим человеком, он знал наверняка, что никто и ничто на свете не посмеет его обидеть, а если только попробует тронуть, тут же огребет на орехи, да еще с прицепом. Через прищур полузакрытых глаз Феллад взглянул на свою мать и тут же в голове его словно сработал некий шестеренчатый механизм – что-то со звоном крутанулось, и все вдруг встало на свои места. Юноша понял, что все пятнадцать лет со дня своего ухода из Урочища Единорога, Рыжий Дрок, расстроенный предательством любимой женщины, только и занимался тем, что искал смерти. Еще он осознал одну истину – отец его любил, но при сложившихся обстоятельствах специально старался держаться отчужденно, чтобы самый близкий ему человек – его сын отнесся к факту его гибели как можно спокойнее. Феллад открыл глаза и, с укором посмотрев в лицо матери, еле слышно одними губами прошептал:

– А ведь это ты виновата...

Несмотря на то, что фраза была произнесена очень тихо, голова Виолы дернулась, будто от пощечины, затем ее огромные глазищи вдруг стали в два раза больше, кровь прилила к щекам и шее, чувственный ротик скривился, словно вместо сладкой хмельной амброзии в ее бокале плескался лимонный сок или хуже того – неразбавленный уксус. Если бы Феллад знал свою мать немного лучше, он бы понял, что своим, как ему казалось, невинным упреком он ненароком разбудил спящего тигра, да что там тигра – стаю чешуйчатых волчар или еще какой нечисти, обитающей в зонах отторжения.

– Как ты смеешь, молокосос, незаслуженно обвинять свою мать! Ты даже представить не можешь, сколько я всего перенесла за те бесконечно долгие восемь лет совместной жизни с твоим папашей! И вот теперь, когда он... – Виола запнулась на мгновение и тут же продолжила: – Когда он, может быть, уже не живой, родной сын упрекает меня в том, что будто бы я во всем виновата...

После этих слов она вновь разрыдалась, теперь с удвоенной энергией. Но Феллад каким-то шестым чувством уловил явную фальшь в ее голосе и во всей манере ее поведения.

– Хватит, мама, ваньку валять! Разыгранный тобой спектакль выглядит, по меньшей мере, неубедительно. Хочешь, я объясню тебе, за чем ты примчалась ко мне, едва узнав о том, что отец не вернулся из рейда? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ты пришла сюда вовсе не потому, что так уж сильно принимаешь к сердцу смерть уже давно не близкого тебе человека. Все эти пятнадцать лет тебя грызла совесть, поскольку на подсознательном уровне ты понимала, что испоганила жизнь одному очень хорошему и доброму мужчине до такой степени, что тот сломя голову кинулся на поиски собственной гибели. И теперь ты здесь, чтобы найти в моем лице хоть какое-нибудь утешение и оправдание. Тебе было бы сейчас намного легче, если бы я сказал, что Дрок Рыжий был плохим мужем, отвратительным отцом и вообще, совершенно никчемным человеком. Ведь так? – Он бросил гневный взгляд на мать и не дождавшись ее реакции продолжил: – Да, да, именно так, тебе очень хотелось бы услышать от меня эти слова, хотя в их справедливость ты и сама не веришь... Не дождешься дорогая матушка. Мой отец был настолько тонким человеком, что даже своей смертью он не хотел никому причинить каких-либо неудобств. И тебе, мама...

Феллад не закончил своей обвинительной речи, поскольку бокал с вином неожиданно выпал из ослабевшей руки матери, она ладонями закрыла свое лицо и плечи ее вновь затряс-

лись от горьких рыданий. Однако теперь это были искренние слезы, а не прежние демонстративно-показушные переживания кокетливой пустышки.

Молодой человек и сам был не рад, что немного перестарался. Учила же его родная тетушка быть ну хоть чуть-чуть осмотрительнее в разговоре, и некоторые свои соображения держать при себе. Да видно плохо учила – мало ему разбитых носов сверстников, которым не всегда приходилась по душе излишняя прямота характера Феллада, теперь родную мать обидел, хоть и было за что, однако все равно неприятно. Чтобы хоть как-то смягчить боль от неосмотрительно нанесенной душевной раны, он подскочил со своего кресла, подошел к матери и начал неумело по-мужски гладить ее по голове, пытаясь при этом неуклюже утешить рыдающую женщину добрым словом:

– Будет тебе, мама. Ну, дурак я... несдержанный на язык дурак. Стоит ли обращать внимание на обалдуев? Прости, ляпнул не подумав.

Однако его слова возымели совершенно противоположное действие. Вместо того, чтобы успокоиться, Виола еще сильнее расплакалась. Чтобы ненароком не усугубить ситуацию Феллад замолчал и отдернул руку от головы матери.

Вволю выплакавшись, женщина бросила на пол свой промокший насквозь платочек и, благодарно кивнув, приняла чистый носовой платок из рук сына.

– Сынок, я плачу не потому, что ты так уж сильно обидел свою маму. Обидел, конечно, но дело вовсе не в этом. По большому счету ты сказал чистую правду, но ты еще молод и глуп и, наверное, не в курсе, что людям, а в особенности женщинам, правда в больших количествах категорически противопоказана. Да, я плохая и безответственная. Да, я испортила жизнь твоему отцу. Да, мое поведение стало косвенной причиной его гибели. Но, сынок, вся моя вина заключается всего лишь в том, что я разлюбила этого человека и ушла от него...

– А может быть, ты никогда его не любила?

– Нет, Фелл, твой папенька вначале нашего знакомства никакого внимания не обратил на твою мать. Мне пришлось приложить максимум смекалки и изворотливости для того, чтобы подцепить Рыжего Дрока на крючок. Однако после нескольких лет жизни мне показалось, что некогда любимый мною человек превратился в подобие половой тряпки, которую можно вертеть, как заблагорассудится, пинать из угла в угол или попросту выбросить за ненадобностью в компостную кучу. Наверное, так случается в каждой семье всякий раз, когда один из супругов любит другого более, чем тот того достоин. Я начала потихоньку провоцировать супруга, чтобы определить степень его – как мне тогда казалось – бесхребетности. Твой отец прощал мне любые выходки и проказы. Каюсь, сын, я даже несколько раз изменила твоему отцу с другими мужчинами. В результате каждый из моих горе любовников угодил в медицинский кокон, а меня даже не пожурили толком. Если бы Рыжий Дрок после того, как разобрался с ними пришел, задрал мне юбку и вмазал, как следует своей медвежьей лапищей по моей вертлявой заднице, все могло быть совсем по-другому. Но он не смел не то, что поднять руку на свою ненаглядную женушку, излишне сильно дунуть на меня боялся, чтобы ненароком не простудилась. Сам понимаешь, с этим безвольным типом жить дальше под одной крышей я не могла себе позволить, поскольку, грешным делом, начала подумывать о самоубийстве или хуже того – убийстве твоего папочки. После моего ухода из Клана Единорога я поменяла не один десяток мужей, но, признаюсь тебе как на духу, такого мужчину как твой отец я так и не встретила. Все они на поверку оказывались мелкими себялюбивыми личностями, ставящими во главу угла свое гипертрофированное эго и не способными испытывать настоящие чувства... – Виола осеклась, будто осознала, что ненароком излишне разоткровенничалась в присутствии сына, но после короткой паузы окончательно взяла верх над своими чувствами и уже твердым голосом закончила: – В общем, ты прав, сынок – я пришла сюда для того, чтобы услышать из твоих уст, каким плохим отцом был

Рыжий Дрок. Но теперь я рада за то, что ты у меня стал совсем взрослым, вполне научился разбираться в людях и ни при каких обстоятельствах не станешь кривить душой.

Виола поднялась с кресла, подошла к Фелладу, крепко обняла его за шею и, встав на носки, поцеловала в щеку со словами:

– А теперь прости, сын, мне нужно уходить.

– Куда же ты, мама, на ночь глядя? – забеспокоился Феллад. – Я распоряжусь, Трифон тебе подготовит отдельную комнату...

– Не беспокойся и не волнуйся за меня. Твоей непутевой матушке сейчас необходимо побыть одной: вволю нареветься, помянуть добрым словом моего незадачливого супруга и вообще... – Что такое это «вообще» Виола не стала объяснять, хорошо поставленным командирским голосом она скомандовала: – Трифон, дверь! – и как только в стене возник проем входной двери, выскочила в душную темноту летней ночи.

* * *

– Вот так всегда, – проворчал недовольно Трифон, – не успела появиться, как снова ее куда-то несет.

Феллад никак не прокомментировал уход матери. Вместо этого он обратился к Трифону с вопросом:

– А теперь выкладывай все, что тебе сообщили Деревья об обстоятельствах исчезновения Дрока Рыжего?

За годы проживания под опекой своего бестелесного домоправителя Феллад настолько свыкся с манерой его общения, что вольно или невольно воспринимал Трифона как самостоятельное существо, соединенное какими-то опосредованными связями с всепланетарным мозгом разумных деревьев. Вот и на сей раз он непроизвольно обратился к нему как к мыслящему индивидууму, вполне независимому в своих суждениях и поступках.

– В общем-то, ничего особенного, – тут же начал свой доклад Трифон, – Неделю назад группа пластунов направилась на зачистку участка Дикого Леса, расположенного в верховьях реки Конг. Основной задачей рейда было обнаружение и уничтожение маточных данья пока те не вызрели и не заполонили окрестности древесными точильщиками. Сам понимаешь, если бы такое случилось, молодые посадки на территории нескольких сотен квадратных километров были бы мгновенно уничтожены. Операция прошла вполне успешно – две сотни человек прочесали и зачистили от данья потенциально опасный участок Дикого Леса. Однако по дороге обратно отряд подвергся нападению огромной стаи чешуйчатых волчар. Твой отец и еще пара десятков пластунов обеспечивали отход основной группы. Час с небольшим назад основная часть пластунов прибыла в базовый лагерь, а из группы прикрытия не вернулся ни один. Есть надежда, что кому-либо удалось выжить, но она весьма призрачная, поскольку от стаи чешуйчатых волчар практически невозможно убежать или укрыться даже на самом высоком дереве. Существует вероятность, что группа прикрытия, уводя за собой основную стаю, отходила к подземным лабиринтам Сангаи, созданным, по нашим данным, несколько тысячелетий назад гигантскими скальными червями. В этом случае им удалось бы оторваться от погони, войдя внутрь поскольку ни один волчара ни за какие коврижки добровольно под землю не сунет свой любопытный нос. Однако в этом случае путников подстерегает не менее страшная опасность, таящаяся внутри подземных пещер – их кровожадные обитатели. Поэтому надеяться на то, что твоему отцу и остальным членам группы прикрытия удалось выжить, особенно не приходится.

– Ну что же, – преодолевая непонятно откуда появившийся в горле комок, с трудом выдавил Феллад, – будем надеяться на лучшее, а сейчас я ложусь спать. Не забудь о своей обещании кое-что показать во сне.

– Не беспокойся, Фелл, все будет исполнено в самом лучшем виде.

* * *

Тяжелое свинцовое небо над головой, воздух насквозь пронизан надоевшей хуже горькой редьки сыростью, которая время от времени переходит в противную всепроникающую морось. Впрочем, для Георга Рваная Ноздря это была самая, что ни на есть, привычная погода, поскольку за все свои двадцать пять лет этот человек ни разу не видел другого неба и знал о существовании солнца лишь из уст своего отца и прочих стариков. Те, в свою очередь, узнали об этом от своих предков, поскольку вот уже не один десяток поколений небо в этих местах было постоянно затянуто тучами, а из мрачных облаков, укутавших небо плотной пеленой, практически не переставая, лил дождь.

Георг с раннего детства любил подобраться поближе к костру и с удовольствием послушать рассказы бывалых людей о былом житье-бытье в благословенные времена, которые взрослые почему-то называли «до катастрофы».

– До катастрофы небо было синим, а солнце ярким и теплым, – говорил один.

– До катастрофы драгоценной бронзы и латуни было в достатке, а теперь, где ее искать? – вторил ему другой.

– До катастрофы, говорят, еда не бегала по лесу, а лежала в га-ма-зи-не, – с трудом выговаривая странное слово, вступал в разговор третий, – бери – не хочу...

– Ну уж это ты дал маху! – осаживал явного враля кто-нибудь из товарищей. – Не может мясо, и другая еда просто так валяться где бы то ни было – ее обязательно кто-нибудь схватит и слопает, пока остальные хлопают ушами.

– Я тебе отвечаю! – тут же начинал кипятиться третий. – И мяса, и шкур звериных, и бронзовых топоров, наконечников стрел и копий, скребков, а также прочей утвари в этих гамазинах было хоть задницей ешь – на всех хватало, даже с избытком. Мне дед рассказывал.

– Конечно дед! Кто же еще? – ехидно поддакивал оппонент и тут же добавлял: – Твой дед был знатным вралем, такого мог навдумывать, что уши в трубочку начинали заворачиваться. Сам слышал, как он рассказывал о том, что люди летали по небу и о других невероятных чудесах. Короче, дед твой был пустым человеком, и ты в него пошел...

После столь недвусмысленного обидного выпада между мужчинами часто возникали нешуточные потасовки, заканчивающиеся разбитыми носами и выбитыми зубами.

Георг Рваная Ноздря почему-то всегда верил самым невероятным байкам о легкой и беззаботной жизни в том прекрасном «до катастрофы». Однако мрачное небо, по всей видимости, не собиралось синеть, а таинственное солнышко по какой-то неведомой причине продолжало прятать свой лик за плотной пеленой свинцовых облаков. Спорившие когда-то у костра мужчины уже давно либо погибли в схватках с дикими животными, либо умерли в страшных муках от неведомых хворей, от которых не помогают ни медвежья кровь, ни отвар ромашки, тысячелистника или зверобоя. Наоборот, со временем жизнь становилась все хуже и хуже. Откуда-то начали появляться ранее невиданные чудища, весьма злобные и очень опасные.

А пару месяцев назад в окрестностях становища Георга объявились странные люди, мало похожие на людей. Гиганты, на две головы выше любого взрослого мужчины, были вооружены суковатыми дубинами, которые, не задумываясь, пускали в ход, как против животных, так и против нормальных людей. Но самым противным было то, что великаны не брезговали употреблять в пищу мясо убитых людей. Все попытки каким-то образом договориться с людоедами к успеху не привели – на их стороне была сила, против которой народу Пещер противопоставить было нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.